

Елизавета Тараненко

Через прошлое в будущее

<https://litres.ru/73585731>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре жанра. Четыре жизни. Одна Душа.

Автобиографическая новелла о девушке из Новосибирска, чья жизнь переворачивается после случайно увиденного фильма. Скандинавская сага о викинге, выбирающем между любовью и славой. Стилизация под Джейн Остин с запретными чувствами. Славянское фэнтези о Ведуне, сплетающем Живонити в борьбе с Безпутными.

Эти четыре истории — главы одного пути. Пути Души, которая снова и снова возвращается на Землю, чтобы через боль, ошибки и потери найти своё истинное предназначение, о котором она и не догадывалась, и ту самую любовь, что сильнее смерти и времени.

Содержание

Через прошлое в будущее	4
Предисловие	4
Пролог	6
Забывтое имя.	12
Решение	12
Ткань жизни	20
Встреча	32
Выбор	48
Последняя стрела	63
Эпилог	82
Чувства и сомнения	84
Глава 1	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Елизавета Тараненко

Через прошлое в будущее

Через прошлое в будущее

Предисловие

Посвящается маме, которая стала слушать аудиокниги, потому что у неё не было времени читать эти книги.

Во всей книге, кроме второй части, использованы приставки дореволюционной орфографии, например, приставки без-, воз-, низ- и т.д. Использованы они были специально, а не в результате моей безграмотности, так как я считаю, что в результате многочисленных преобразований наш язык не только потерял свою звучность и целостность (от 49 букв-образов осталось всего 33 буквы-звука), сменив образную Азбуку (слав. Азь, Буки,...) на безОбразный АлфаВит (греч. Альфа, Вита,...), но и свою аутентичность. И вот, в качестве своего маленького протеста насильственному упрощению нашего богатого и могучего языка, я включила этот незначительный элемент старой орфографии в свое произведение.

Мне помогало музыкальное творчество:

"Let me sign" R.Pattinson, "SOS" и "Stranger" Димаш Кудайбергенов, "Old Paths" и "When the spirit is calling" Jon Fjallgren/Т.Leon, "Точка невозврата" Ария, "Wind kommt" А Tergo Lupi, Redjji альбом "Код предков".

P.S. Историческая достоверность некоторых событий и имен – не случайна.

Пролог

— Скажите мне напоследок, – сказал Гарри, – это всё правда?

Или это происходит у меня в голове?

...

— Конечно, это происходит у тебя в голове, Гарри, но кто сказал тебе, что поэтому оно не должно быть правдой?

Гарри Поттер и Дары Смерти. Джоан Роулинг.

Современный Человек рьяно и без раздумий
выстраивает свою земную жизнь
вокруг утверждения Азь Есть,
а потому забывает стремиться
к осознанию того, что он Азь Есмь.

Эта история, моя история, началась задолго до моего рождения. Огоньками болидов вспыхивала она на ленте вечности и, я думаю, ещё не раз вспыхнет в будущем.

Для меня отправной точкой и нулевой координатой, разделившей мою жизнь в настоящем на “до” и “после”, стала обычная комната в типовой квартире “хрущевки”, которыми утыкан практически весь Новосибирск. Мой город, где я родилась и выросла, но который никогда не был и не стал мне родным. Мне он всегда казался слишком серым и одно-

образным. И тем удивительнее для меня то, что его населяют добрые, весёлые и энергичные люди.

Чуть более трех месяцев назад 12.12 числа я отметила начало своего двадцать седьмого года. У меня было умеренно спортивное телосложение, темно-русые волосы и ничем не примечательная внешность, если не учитывать зеленовато-серые глаза, которые меняют цвет от разных факторов и которые встречаются всего у нескольких процентов мирового населения. Все благодаря временам папской инквизиции, когда рьяные в своем служении папе римскому, но точно не христианскому Богу, инквизиторы почти всех женщин с зелёными глазами причисляли к ведьмам, пытали и казнили самыми нехристианскими способами. Ах да, была у меня ещё одна особенность внешности, за которую меня бы точно сожгли, будь я в средневековой Европе (даже если бы мои глаза-хамелеоны им показались недостаточно зелёными) – родимое пятно на шее в виде сидящего то ли пса, то ли волка. Да и чего ожидать от дремучей Европы, если даже в наше время мне, ребенку двенадцати лет, у которой разболелась голова во время школьной экскурсии в христианскую церковь, священник сказал, что я имею метку дьявола и мне всю жизнь нужно как можно чаще посещать церковь для отмаливания грехов, потому что во мне живут бесы. С тех пор я начала с подозрением относиться к церкви, потому что никаких, даже незначительных, признаков бесовского воздействия типа звуковых или визуальных галлюцинаций, сквер-

ного поведения или злобных мыслей за собой не замечала, при том, что прочитала Библию и Заветы в возрасте одиннадцати лет. Зато заметила, с какой лёгкостью священники судят, кто хороший, а кто плохой, нарушая заповедь "не суди, да не судим будешь".

Ну да оставим мои отношения с религиями и вернемся к моей истории. Я только что разсталась с молодым человеком, с которым жила больше пяти лет, пребывая в мечтах о счастливой семье с кучей детишек. Одно то, что узаконивать отношения спустя столько лет совместной жизни он не стремился, должно было натолкнуть меня на сомнения в серьезности его намерений, но, как я выяснила на собственном опыте – влюбленность слепа, глупа, глуха и нема. И вот наши дороги разошлись в кардинально противоположные стороны. Предсказуемый конец отношений многих молодых пар, которые сделали выбор на основе юношеской влюбленности, не подкрепленной общими стремлениями, желаниями и целями. Вернее, страсти физических тел, ошибочно принятой за любовь. Конец, который наступает, когда хотя бы один в паре не старается работать над отношениями и думает только о себе и своих желаниях. Конец, который наступает, когда не видишь смысла удерживать то, что ущемляет твоё достоинство, самоуважение и гордость, забирает твоё время и жизненные ресурсы. Жаль только, что осознание очевидных вещей часто запаздывает из-за розовых очков. И за это приходится расплачиваться ценнейшим временем своей жизни.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей разставаний и потерь, я решила посмотреть фильм. Какой-нибудь романтический фильм с динамичным сюжетом и со счастливым концом. Порадоваться хотя бы за главных героев, которые, преодолевая трудности одной лишь силой безкорыстной всепоглощающей любви, побеждают всех врагов – внутренних и внешних – и живут долго и счастливо. Эдакая форма мазохизма – смотря на выдуманную красивую историю любви, жалеть себя в реальной жизни и оплакивать несбывшиеся надежды, одиночество, упущенные возможности, уходящее время и молодость. В общем и целом, решила выделить день и испить коктейль разочарований до дна. Вволю, самозабвенно, пострадать лёжа, раз уж споткнулась и упала, чтобы потом встать и пойти дальше. Никогда не умела придерживаться золотой середины, впадая в крайности, поэтому мое существование больше напоминает ломаную, как горная гряда, кривую, чем планомерную линию жизни на моей ладони. Это значительно осложняет жизнь на спаде, но даёт мощный толчок на подъёме. Благо, что я заядлый оптимист с психологической установкой “все, что ни делается – к лучшему!” и всегда наполовину полным стаканом.

Испытав радость и удовольствие от того, что я живу в то время, когда уже существуют компьютеры и интернет, я искала в Гугле самые известные за последние пару лет мистические фильмы про любовь (хотелось чего-нибудь красивого и мрачного). И наткнулась на фильм, о котором слы-

шала уже не один раз от своих знакомых, но который я изначально предвзято, прочитав анонс, отнесла в категорию "не буду смотреть – слишком "приторно". Эта категория появилась у меня лет с пятнадцати. Когда моя первая любовь отдала предпочтение моей лучшей подруге, и все мои мечты и желания разбились о реальность. Я, которая с четырех лет сменила все игрушки в ящиках на книги, книги о сказках, приключениях, любви и волшебстве, которая выросла на шедеврах Пушкина и Роулинг, которая верила в любовь с первого взгляда и в "жили долго и счастливо" – вычеркнула из жизни любую романтику, выбрав стезю рационализма и скепсиса.

С каким-то внутренним злорадством от того, что пошла наперекор своему внутреннему рационалисту, и, конечно же, долей мазохизма, искала фильм. Оказалось, что с тех пор, как я впервые услышала о нем, выпустили уже серию фильмов и недавно поставили точку последней частью. Все фильмы были объединены под громким, на мой взгляд, именем Сага. Поморщившись, ведь для меня понятие саги неразрывно связано с древнескандинавской культурой и жизнеописанием многих поколений многих семей, а не повествованием о жизни одной и той же семьи на несколько поколений, я нашла фильм.

К страданиям и самотерзаниям надо подходить ответственно. Поэтому с мрачным предвкушением я налила себе сладкий горячий кофе со сливками, открыла коробку кон-

фет, положила пачку сухих салфеток для горячих слёз, усе-
лась поудобнее и начала смотреть первую часть. Но я совер-
шенно не ожидала и никак бы не смогла подготовиться к то-
му, что произошло дальше.

Я впервые увидела его. Увидела и узнала. И мой мир боль-
ше никогда не стал прежним.

Забытое имя.

Решение

Я как можно тише передвигался сквозь густую молодую зелень леса, выбирая удобное место для того, чтобы натянуть лук. Где-то слева от меня шёл отец, я это знал, но ни один шорох или щелчок сломанной ветки не выдавал его шагов. Он был лучшим охотником не только в нашем поселении, но и на многие мили вдоль побережья.

Под ногой хрустнула сухая ветка и олень вскинул свою голову с молоденькими рожками, наострив уши и поведя носом. И тут же слева просвистел топор отца с такой скоростью и точностью, которые не оставили оленю ни единого шанса, повредив его яремную вену. Мой промах чуть не стоил нам нескольких часов охоты. Вздохнув, я убрал уже ненужные стрелу и лук за спину.

Справа, уже не таясь, к нам пробирался Бьёрнхальд. Было удивительно наблюдать, как этот огромный человек идёт упругой походкой рыси, почти не создавая шума. Дойдя до прогалины одновременно со мной, он хлопнул меня по плечу, громогласно разсмеявшись.

— Сигмунд, ты опять заслужил себе право разделявать тушу.

— Ну а ты — нести мясо в лагерь, — усмехнулся я в ответ, направляясь к убитому оленю. — Оленя выследил я, а убил отец. Сегодня ты просто прогулялся с нами, пока мы сделали всю работу за тебя.

Рядом тихо разсмеялся отец, я даже не заметил, как он подошёл к нам. Если бы я с детства не наблюдал, сколько тренировок и отточенных навыков сделали его поступь и передвижение незаметными и быстрыми, то подумал бы, что сами Ульь и Скади наделили его умением становиться невидимым как заяц-беляк и безшумным как полет совы.

— Оставь его в покое, Бьёрнхальд. Ему ещё многому предстоит научиться... если он захочет и дальше заниматься охотой, — отец пристально посмотрел на меня, а я подумал, что он меня подозревает в моих, пока что тайных, планах. — Не всегда ты передвигался так тихо как сейчас. Помню время, когда медведь, продираясь через густой подлесок, был безшумнее тебя.

Переговариваясь и посмеиваясь, мы занялись разделкой туши, поочерёдно приглядывая за окрестностями. Медведи совсем недавно проснулись, были голодными и оттого особенно злыми, в ярости они не испугались бы напасть и на человека.

Это был последний день охотничьего похода, и поэтому я возвращался к лагерю с особым воодушевлением, предвкусывая скорое возвращение домой и встречу с матерью, сестрами и младшими братьями, по которым особенно соскучился.

Эта зима была мягкой, и мы смогли принести большую жертву на блоте, и оттого охота была особенно удачной – мужчины нашего поселения возвращались домой с тяжёлой ношей свежего мяса, шкур, мехов, клыков и костей для кольчуги. Мой отец, как всегда возглавлявший охотников, шёл впереди, разговаривая с Бьёрнхальдом Могучим и Торгейром Зорким. Меня же не интересовали их планы, поэтому я даже не прислушивался к разговору. В прошлую осень и зиму я размышлял о своих собственных желаниях и, решившись, ждал только наступления весны. Но теперь, когда время пришло, необходимость переходить от мыслей к действию поколебала мою решимость и внесла сомнения. И от этого ещё острее ощущалось желание поговорить с отцом и спросить у него совета.

Четыре лета назад я получил свой первый браслет, но до настоящего времени у меня не было уверенности в том, чем действительно я хотел бы заниматься. У меня было много умений, но ни в одном из них я не достиг звания мастера. Может быть оттого, что, взявшись за изучение того или иного ремесла, я не доводил обучение до конца, не оттачивал навыки до совершенства, потому что терял интерес, не чувствовал желания продолжать тренироваться и обучаться. И вот я решился. Решился уйти от любимой и любящей семьи на поиски новой земли, потому что ничего здесь, кроме родных людей, не удерживало меня. Ни одно из занятий. Незримая, но крепкая нить опутала моё сердце и протянулась в

сторону запада. Туда, где по слухам торговцев видели новые, неизвестные доселе, земли. И эти слухи возродили в моей памяти дряхлого странствующего скальда, который много зим назад читал нашему поселению великую песнь о Рагнареке, о совсем недалеких временах, по его словам, когда мы знали множество земель на западе. Бились Боги с порождениями Хаоса, осыпая людей огнем с неба и заливая водой на земле. И внезапная и суровая стужа заморозила большинство наших мудрых предков в своих домах, уничтожив знания вместе с их хранителями. Соль и Мани, съеденные варгами Хати и Сколь, погрузили весь мир во тьму на многие дни. И остались в живых лишь некоторые из людей. Но вот закончился Рагнарек и возродилась Звезда дневная в дочери своей порожденной, что возстала уже из-за твердой земли, пойдя путем, обратным пути ее матери Соль, всходявшей из-за моря. И вскоре вновь наступит Рагнарек, и вновь дневное светило поменяет свой ход на обратный, и будет так до скончания веков. Оставила тогда песнь скальда во мне, ребенке, тягу к тайному. И теперь неизвестность и неизведанность манили меня сильнее, чем красавица жена и домашний очаг. К тому же, никто кроме Хельги не тронул моего сердца. Но она отдала свое Годфреду. И теперь я понимал, что она выбрала лучший путь, так как я все равно не смог бы сделать её счастливой.

Давно мы решили с отцом идти на всеобщий летний тинг, который собирал верховный конунг Олаф Трюгвассон. Бра-

тъя должны были уже через зиму получить свои браслеты от ярла и довольно хорошо владели луком и копьем, поэтому можно было оставить мать и сестер под их защитой. Хотя отдаленность нашего поселения практически исключила появление разбойников или нидингов, да к тому же бо́льшая часть мужчин оставалась в поселении. Переход должен был занять почти неделю, в течение которой я и хотел раскрыть свой план отцу. Заодно испросив его совета о задуманном. Я всегда высоко ценил советы и суждения отца, преклоняясь перед его богатым жизненным опытом и разсудительным умом, в то время как сам был подвержен вспышкам эмоций, которые могли повлиять на правильность принятых решений. Понимая, что незрелая юность всегда уступает мудрости прожитых лет, я никогда не принимал решения быстро и необдуманно, а если была возможность, то и обсуждал свои мысли и идеи со старшими. Со временем я научился хоть немного контролировать вспышки эмоций, сохранять ум в спокойствии, принимать взвешенные решения в короткое время, но самое главное, я научился принимать советы более мудрых.

Вот о чем я думал, пока мы шли домой. И даже всеобщее веселье, всегда сопровождавшее возвращение охотников в поселение, не смогло развеять печальный налёт моих дум на лице. Отец, конечно же, подозревал что-то, но сам не пытался выведать у меня причину печали, зная, что как только я решусь, то сам обо всем расскажу. И только увидев Иду,

Годфрида и Торстейна, которые вышли нам навстречу, оставив дома мать с малышками, я почувствовал, что тяжесть на сердце сменилась нежностью и любовью.

— Сигмунд, папа, я наконец-то победил Торстейна в стрельбе из лука! – прокричал Годфрид, едва завидя нас: — Я так соскучился по вам, вас не было так долго. Когда же вы возьмете нас с собой на охоту? Мы уже давно готовы!

— Не раньше, как вы получите свои браслеты, – ответил отец, обнимая детей по очереди.

— Годфрид, ты и сам знаешь ответ! Оттого, что ты постоянно задаешь один и тот же вопрос, ответ не поменяется. Будь более терпеливым. Выйдя на совместную охоту подготовленными, от неё можно получить больше удовольствия и пользы, – невозмутимо произнёс Торстейн.

Глядя на близнецов, я всегда удивлялся разности их характеров. Вот и сейчас, отвыкнув в разлуке от их присутствия, я смотрел на одного человека в двух – настолько они внешне были похожи и ростом, и внешностью, но разительно отличавшихся внутренне. Пламя и лёд, которые идеально дополняли друг друга, создавая баланс движения и промедления. Два брата были неразлучны. Редко когда я видел их по отдельности. А ещё я чувствовал, что их ждет великое будущее. Но это будет уже другая история, их собственная.

Пока братья разговаривали с отцом о том, как прошла охота, какие трудности нам пришлось преодолеть, скольких животных мы выследили и прочие охотничьи подробности, я

спрашивал у Иды, что произошло дома за время нашего отсутствия. Ничего необычного не случилось, жизнь в нашем отдаленном поселении шла размеренно и спокойно. Иногда я думал, что отец специально выбрал это место, удаленное от шума и опасностей крупных поселений, которые все быстрее разрастались благодаря развивающимся торговым связям с другими странами. Вдали от суеты крупных городов, наша жизнь наедине с самими собой и Богами, исключала опасности густонаселенных мест, но и лишала многих возможностей – знакомству с интересными людьми, выбору ремесла или закалке характера, который, как хороший меч, должен был приобрести крепкую узорчатую сердцевину преодолением трудностей и невзгод, неизбежно возникающих среди обилия людей разных воззрений и характеров.

Так за разговорами мы дошли до дома, где уже всё семейство собралось полностью. Мама с двумя младшими сестренками вышла к ограде встретить нас, едва заслышав громкие голоса и смех близнецов. Мама. Лучшая женщина в моем мире. Если бы я мог встретить девушку, хотя бы наполовину обладающей достоинствами матери, я был бы счастлив иметь такую жену. Несмотря на возраст и количество детей, она сохранила девичью гибкость и проворность. Несмотря на изящность и лёгкую грацию, её телосложение было крепким, сочетая в себе прочность вяза и гибкость берёзы. В светлых, цвета зелени, глазах янтарными вкраплениями светились доброта и мудрость. Темно-рыжие вьющиеся воло-

сы с медным отливом свободно разсыпались по спине до самых бёдер, и только несколько кос спереди собирали волосы, оставляя открытым лицо с россыпью веснушек, которые делали его задорным и молодым. Но внешняя женственность была обманчива, когда дело доходило до столкновения. Моя мать не была воительницей, рвущейся в бой, но она была хорошо обученной защитницей, стремительной и яростной, способной противостоять любому разбойнику, который посмел бы проникнуть в наш дом.

В юношеские годы Ульф Безшумный, мой отец, побывал в крупном походе на Британские острова, и в Ирландии они захватили много рабов, большая часть которых была впоследствии продана. На обратном пути домой он познакомился с матерью, находящейся среди прочих захваченных рабов и рабынь, и по приезду выкупил ее и освободил. Но она не вернулась обратно, в дом, куда ее, сироту, отдали замуж за нелюбимого мужчину, выбрав моего отца и Норвегию. Много раз слышал я их историю, просил рассказать её снова и снова долгими зимними вечерами. Историю любви. Историю выбора. Историю жизни.

И теперь, глядя, как смотрят друг на друга отец и мать, видя, как он обнимает ее и вдыхает запах ее волос после небольшой, но столь долгой для них разлуки, чувствуя, как вокруг них волнами расходится любовь, окутывая и нас, их детей, между которыми никогда не было серьезных ссор, я особенно остро осознал тяжесть своего решения – возмож-

но, после своего ухода я больше никогда не увижу родных, близких, самых дорогих моему сердцу людей...

Ткань жизни

Наступил день, когда мы выдвинулись с отцом и еще несколькими мужчинами и юношами на всеобщий тинг в Нидарос. Переход был длинным и пешим, но мы все же взяли с собой груз из самых ценных мехов, клыков, рогов и плашек из костей для украшений и кольчуг, чтобы продать их на рынке или обменять на необходимые в быту вещи и подарки родным. Так как местность выбранного нами самого быстрого пути не позволяла взять в собой лошадей, то пришлось нести весь груз на себе.

Не так часто мы покидали родные места для обмена и торговли в соседних поселениях, и никогда я не бывал в настолько крупном городе. Поэтому, несмотря на грусть разлуки, испытывал воодушевление и предвкушение путешествия, представляя себе, как выглядит поселение конунга всей Норвегии, что интересного я могу там увидеть и узнать, какие люди мне могут встретиться, люди других обычаев и внешности из южных и восточных стран.

Первые два дня ничем не отличались от наших обычных походов на охоту или в соседние поселения. Места вокруг были знакомыми и изученными, поэтому я смог, не отвлекаясь, переговорить с отцом о своих планах.

— Что ты скажешь, отец, о моем решении? – спросил я его, когда закончил свой рассказ. – И как мне понять, правильный ли выбор я делаю? Может, мой выбор глуп и неоправдан?

— Я ждал от тебя этого решения еще целое лето назад, – грустно усмехнулся отец, – и удивлён, что ты продержался так долго. Когда я отправился в свой первый поход, то был младше тебя. Но у меня не было выбора. Ты знаешь, что моя мать, твоя бабушка, умерла, когда я был ещё ребёнком, я почти не помню её. А твой дед был хорошим воином, но хорошим отцом его было сложно назвать. Оставив меня в доме брата, кузнечных дел мастера, он отправился в Исландию, но так и не вернулся. Великий змей в ярости потопил все их корабли. Как говорил мой дядя, разгневался Ёрмунганд за то, что не принесли ему жертву как положено, ведь много воинов в этом походе ранее приняли христианство, предав истинных Богов своих, променяв их на слабого Бога англикан.

Отец замолчал, задумавшись. Я не стал торопить его. Я знал, что, если отец решил повторить свою историю, значит, мне нужно ещё раз послушать её, значит, что-то в его истории будет ответом и на мой вопрос. Он не отличался пустословием и считал, что если разговор не стоил того, то лучше его и не начинать.

— Повзрослев, я стал часто ходить на охоту и заслужил свое второе имя, – спустя время продолжил отец, глаза которого затуманились пеленой воспоминаний. – Но я думал,

что, не имея ни собственности, ни земли, вряд ли смогу завести и обеспечить семью. А промышляя охотой, не смогу заработать достаточно для покупки и того и другого. Я мечтал остаться в родной стране, фьорды, леса и горы которой так любил, и не хотел плыть в Исландию, где мог взять столько земли, сколько бы захотел. И тогда я решил отправиться в поход на Острова, испытать свою удачу. В то время ходили слухи о богатых монастырях на западе Островов, в которых золото и серебро украшали не только книги, но и посуду, из которой ели и пили монахи. К чему им эти богатства, если их Бог не просил жертв и говорил, что ценнее всех богатств – вера в него?

Там я обрёл больше, чем ожидал и на что надеялся. Там я встретил твою мать, за которую и отдал почти всю свою долю добычи, так как не позволил никому тронуть её. Я ни о чем не жалею, но лишь потому, что встретил свою единственную любовь. Теперь же, спустя время, я понимаю, что видел тогда, перед походом, только тот путь, что был ярко освещен, и не видел тот путь, который был скрыт в тумане, но который открылся бы мне, если бы я огляделся по сторонам, рассмотрел свою жизнь с разных сторон. Я выбрал легкую дорогу, лишь пытавшись убежать от проблем, не решая их. Быстрый путь насилия вместо долгого пути старания и труда. Мне повезло больше, чем я заслуживаю.

Ты же должен знать одно – следуй велениям своего сердца, а не ума. Ум выкладывает камнями твой путь, чтобы по

нему было легче идти, но направление выбирает только твоё сердце, на которое не влияют ни страхи, ни сомнения, ни собственные или чужие мысли. Выбирай сердцем, а умом прокладывай дорогу в выбранном направлении.

На этом наш разговор прервался, так как нужно было останавливаться на ночь. Мне было, о чем подумать, и было ещё много времени, чтобы я мог задать отцу все свои вопросы, поэтому я не тревожился.

Ужин наш был прост, мы взяли с собой лишь вяленые рыбу и мясо, лепёшки, сушеные ягоды, зерно, немного сыра и масла на первые дни, ведь наибольшую часть груза составляли товары на продажу. С нами не было женщин и детей, поэтому скудный рацион не доставлял нам неудобств, привыкших к нему во время охотничьих походов. Тратить время на охоту для добычи свежего мяса мы тоже не стали, решив быстрее добраться до города. Но зверья с оттепелью было много, поэтому иногда нам удавалось, не сходя с пути, раздобыть дичь. И тогда наш ужин был более сытным. Во время ночевки же шаткое перемирие дикой природы и человека балансировало на лезвии сакса. Поэтому после ужина старшие, как всегда, распределяли очередь дозорных между собой для поддержания огня и наблюдения за ночными охотниками – волками, медведями и рысями – которые бы осмелились приблизиться к человеку.

Так прошло ещё несколько дней, и мне не удавалось поговорить с отцом, так как всю дорогу старшие обсуждали

ночлег, планы на пребывание в городе, какие вопросы будут подниматься на тинге, будут ли решаться споры поединком, высказывали надежды на удачную торговлю и какие товары нужно закупить. И нам так и не удалось остаться наедине. Но на четвёртый день пути мы с отцом немного отстали от спутников, возобновив наш разговор.

— Отец, как же мне разделить желания моего сердца и ума? – задал я мучавший меня вопрос. – Как мне понять, чье стремление, сердца или ума, владеет сейчас мною?

— Многие, более старшие мужи, не задавались таким вопросом. Сын мой, ты мудр не по годам, – сказал отец, хлопнув меня по плечу и одобрительно покивав. – Не иначе как тебе досталась мудрость твоей матери. Я давно уже видел, что тебе тесно в нашем мире, твой ум жаждет знаний и приключений. Поэтому мы с матерью давно уже готовы к тому, что судьба уводит тебя в сторону от нас. И мы решили не препятствовать тебе, лишь прося Богов, чтобы ты выбрал истинный путь для себя. Путь, который сделает тебя счастливым.

Неожиданны были для меня его слова. Ведь я думал, что держу в тайне свои помыслы. Но нет тайн от любящих людей, знающих тебя с колыбели, замечающих любую морщинку от нахмуренных в раздумье бровей, видящих тень печали или тоски в твоих глазах. Тем временем отец продолжал:

— Не так трудно понять, где желание сердца, а где желание ума. Ум всегда ищет и выбирает то, что выгоднее лишь

для тебя одного, а сердце выбирает лишь бескорыстное благо для себя и любимых. Гораздо труднее другое – сделать выбор в сторону сердца, когда он идёт наперекор выбору ума. Прислушаться к сердцу и поступить по его стремлению, даже когда ум видит иной путь. Выбор есть всегда, даже если глаза видят перед собой только тупик. Но сердце, не имея глаз, видит дальше ума. И когда ум строит стены на пути, сердце обращает их в пыль своей силою стремления.

Много мудрости было в его словах, и дальше мы шли молча, задумавшись каждый о своём. От мыслей меня отвлекли резкие порывы ветра. Подняв голову, я увидел, что все небо затягивается тучами, несущимися на нас со скоростью драккаров при попутном ветре. Ожидался редкий в наших местах, но оттого ещё более сильный ливневый дождь, предвестников которого никто не заметил. Спешно начали мы искать убежища. Чаще всего останавливались торговцы и путники в большой удобной пещере дальше по пути, но идти до неё пришлось бы долго, солнце, когда мы последний раз видели его, стояло ещё высоко.

— Идите сюда! - прокричал Орм, указывая на отвесную стену скалы без каких-либо отверстий.

Но, подойдя ближе, я увидел узкую расщелину, пройти в которую можно было только боком. Дальше расщелина расширилась, и я очутился в небольшом, но удобном гроте. Старшие уже обсуждали, как удачно удалось найти укрытие, какие метки оставить, чтобы в дальнейшем использо-

вать этот грот не только как убежище от непогоды, но и как место отдыха или ночлега, и строили догадки, веселился или злился Тор, бросая молнии и гром на землю. Долго мы не могли уснуть, слушая грохот в своей тёплой пещере, камень которой за время солнечного круга нагрелся и теперь приятно согревал. Когда в узкое отверстие расщелины я видел вспышки молний, то думал о Богах, их мощи и замыслах, непонятных нам, обычным людям, не важно бонд ты или конунг. И тогда впервые меня посетила мысль найти в Нида-росе вёльву, чтобы спросить у неё, какое будущее меня ждет, и какую судьбу уготовили мне Боги. С такими мыслями я и уснул.

Какой-то шум я услышал сквозь сон. Знакомый и в то же время неизвестный. Открыв глаза, я прислушался, попытавшись понять, что это за звук и откуда он доносится. Глухой стук прялки и свист веретена – не раз я слышал и дома, когда мать и сестра пряли шерсть – но к знакомому звуку добавлялись еще шум листвы и звон, настолько тихий и тонкий, что улавливался как-будто не ухом, а всеми внутренностями. Я сел, оглянувшись по сторонам. Все спали, дозорных в эту ночь мы не выставляли, так как не было в том необходимости. По-видимому, никого, кроме меня, эти звуки не разбудили.

В дальнем конце нашей пещеры я увидел слабые отблески света. Но как такое возможно? Ведь я сам лично обошёл грот несколько раз с факелом, не увидев ни одного отверстия в

шершавой серой стене. Не став никого будить, я решил проверить, не дверги ли играют со мной. Тихо встал и, осторожно обходя тела спящих людей, пошёл в сторону света и неясного звука. Дойдя до стены, я увидел почти такую же расщелину, как и та, что служила входом нам в грот.

Несколько ударов сердца я размышлял, разбудить ли отца, но все же решил сначала проверить сам, и если бы увидел или почувствовал хоть малейшую опасность, то тут же закричал бы, предупреждая и остальных об этой опасности.

Боком я начал продвигаться вглубь скалы. Впереди я видел тот же неясный свет и слышал тот же странный звук, но выход будто отодвигался от меня все дальше и дальше. И когда я почти решил двинуться назад, проход так неожиданно расширился, что я чуть не упал. То, что я увидел, на миг вытеснило все мысли из моей головы. Безграничная темнота простиралась надо мной, передо мной и вокруг меня. Но темнота была темнотой лишь миг, и тут же я увидел огромное количество звезд, окружающих меня и складывающихся в созвездия, известные мне и никогда ранее не виденные. Надо мной раскинул молодую листву исполинский ясень, пронзая небеса ветвями, а землю - корнями. Ствол его был так широк, что не видно ему ни конца, ни края, а кора на том стволе испещрена древними рунами и рубцами времён. Листья Иггдрасиля, я тут же понял, что стою перед священным деревом, переливались всеми цветами, от фиолетового до красного, в зависимости от того, какой из миров отражался

в них. Прямо передо мной, под сенью мирового древа, сидели три женщины у источника, выложенного по краю серыми камнями, покрытыми пятнами мха, а вода из того источника разливалась мелкими ручейками на все стороны света.

Была одна из них стара и сгорблена, а лицо и руки её были в глубоких морщинах. Медленно, не торопясь, почти закончив работу, тянула нить она из старой потрескавшейся прялки седую, местами свалывшуюся, со множеством узелков. Красивый гребень из оленьего рога держал её седые волосы. Смотрела она вниз на свою работу.

Вторая же женщина, более молодая, в расцвете сил и лет, пряла шерсть быстрыми руками, и тянулась её нить неровная, то грубая как верёвка, то тонкая как шелк. И веретено её был из березы, лёгкое, но со следами выбоин. Волосы её были собраны в косы и украшали их пыльца цветов, пыль дорог и цветы чертополоха. И смотрела она прямо на меня.

Третья же, юная девушка с распущенными волосами устремила свой взгляд вдаль, пуст был её взор, будто смотрела она и видела не то, что ее окружает, а то, что лежит за гранью нашего мира, будто видела сквозь время. Волосы ее не были ничем украшены, а нить свою, еще не готовую, не скрученную, она не пряла, а рвала, сплевывая на пальцы и связывая, и снова разрывая.

Одеты они были одинаково, в шерстяные серые платья из нитей неровных, будто спряденных из самой жизни. А рядом с каждой лежали кучки шерсти из шкуры Фенрира, пуха

Хрёсвелъг и волос из гривы Слейпнира.

Понял я тогда, что вижу перед собой норн.

— Крепко же спишь ты, Сигмунд Золотоглазый, – разсмелась Верданди смехом приятным и мелодичным. – Мы уж думали, не придёшь ты. Хотя данная Богами сила внутри тебя и стремилась к нам, разрывая нити бытия, чтобы ты мог узнать свою судьбу.

— Знание не всегда помогает так, как того хотят люди. Иногда знание может ещё больше запутать, внести сомнения в уже принятые решения и усложнить выбор там, где он казался простым и лёгким. Мне ли не знать об этом? – прошелестел тихий голос Урд, которая продолжала работать, не поднимая глаз.

Я и сам не заметил, как подошёл к ним ближе. Я увидел туман, клубившийся над чернотой воды природного колодца, почувствовал плотный густой запах мокрой шерсти и зелени глухого леса, услышал журчание маленьких ручейков, вытекающих из источника и тот же тихий звон, что разбудил меня и, подняв взгляд, увидел, что уже три пары глаз смотрят на меня. Три богини судьбы стояли перед ткацким станком с уже почти вытканым полотном из разноцветных нитей, среди которых особенно выделялись две сверкающие нити – первая яркой зеленью мха после дождя и вторая золотым сиянием, более ярким, чем солнце в жаркий день. Нити блестя и тихо звенели.

— Подойди, Сигмунд Златоглазый, и узри свою судьбу,

что так тревожит тебя, – сказала дряхлая Урд, проводя костлявой рукой по законченной части полотна. – Твоя нить крепка, молодой воин, как корни самого Иггдрасиля. Видишь эти узлы? – спросила она, ткнув узловатым пальцем по рыжей нити. – Каждый узел – твой выбор. Здесь – твоя первая охота, вот здесь – топор отца в твоей руке. А здесь – ты выбрал быть воином-искателем новых земель, а не охотником.

Наклонившись, я увидел, как в этом месте рыжая нить становится толще и грубее, как верёвка.

— Но теперь начинает завязываться новый узел, – говорит Верданди, быстро перебирая нити полотна. – Смотри! Две нити стремятся соединиться, но никогда не смогут сплестись вместе в узоре твоей жизни. Одна – лёгким касанием она трогает золотую нить, заставляя её сверкнуть, – ведёт тебя к Ней. К той, что будет смеяться в твоих снах. Другая – зеленая нить вспыхивает молнией – ведёт тебя туда, где твой топор получит истинное имя, которое останется в легендах, но твое собственное имя будет забыто. Ее нить могла бы сплестись с твоей, но посмотри дальше, выбор почти сделан...

Богиня откидывает часть готового полотна и я вижу, как зеленые нити густеют, сплетаясь в узор, похожий на высокие травы, колыхающиеся на ветру.

Скульд внезапно хватает золотую нить, и та звенит, как натянутая тетива.

— Потянешь золотую нить, и зеленая со временем истле-

ет, разсыпавшись и исчезнув из ткани бытия. Потянешь зеленую и золотая, – она щелкает пальцами и золотая нить истончается, – порвется, исчезнув из полотна твоей жизни и сплетясь с чужой серебряной. Время выбора близится. Узел должен быть завязан.

Я стоял, наклонившись, над полотном своей жизни так низко, что чувствовал, как золотая нить пахнет медом, цветами и дымом очага, а зеленая – морем, железом и сырой землёй.

— Неужели у меня нет другого выбора?! – воскликнул я. – Вы же Богини, подскажите мне правильный путь.

— Мы не решаем. Мы только прядем. – хрипло смеётся Урд.

— Не выбирать – тоже выбор. Но тогда мы отпустим обе нити, и они станут пепельными, как туман над болотом, а жизнь твоя станет пуста, невзрачна и полна сомнений над каждым решением. – говорит Верданди.

Скульд, наклоняясь ко мне так близко, что я вижу свое отражение в ее пустых глазах, шепчет:

— Великая любовь сделает тебя простым человеком. Жажда свершения великих дел оставит тебя невидимой тенью в сагах и легендах потомков. Решай, что выбрать, когда время придет. Но знай – выбор ложится только на твои плечи, и никто не должен помогать тебе, иначе ты будешь пребывать в вечных сомнениях о правильности выбора.

И теперь в её глазах я вижу лишь темноту.

Тут меня разбудил отец.

— Долго же ты спал. Наверное, снились приятные сны? — посмеивался отец, доставая наш завтрак, пока я умывался холодной водой, набранной в чашки во время ночного дождя, и чистил зубы березовой веточкой, смоченной в травяном отваре.

Я улыбнулся отцу как можно веселее, промолчав, так как понимал, что не могу рассказывать ему о своём сне и милости Богинь, что даровали мне знание (и был ли это сон?), а в голове у меня стучал глухо, как удары сердца, стук ткацкого станка.

Встреча

На шестой день мы добрались до Нидароса. Город открылся нам внезапно. Вот мы шли по тропе, а на следующем шаге перед нами уже раскинулась долина с высоты птичьего полета. Красота этого поселения поразила меня с первого взгляда. Основано оно было в устье реки, которая, извиваясь, впадала во фьорд. Изгиб реки создавал отличную защищенную стоянку для кораблей, а её тихие воды питали обширные плодородные земли на много миль вокруг поселения. Мой взгляд сразу же уловил леса за городом, которые наверняка изобиловали дичью. Поселение не считалось самым большим, но было крупным и важным торговым узлом между северными землями, Швецией, Данией и странами за

границами Скандинавии. И, спускаясь к нему, я уже понимал, что такого количества людей, что сновали внизу между постройками, я не увижу больше нигде.

Дойдя до города, мы со спутниками разделились, так как отец повел меня к дому моего дяди. Дому, в котором он когда-то вырос и который теперь принадлежал сыну его дяди, умершего много лет назад от болезни. Поселение дышало смолой, дымом и деревом. Около пристаней теснились многочисленные драккары и корабли чужеземцев, только что прибывшие, или отплывающие, или стоящие на ремонте. Деревянные причалы скрипели от тяжести грузов, спускаемых с кораблей или поднимавшихся на них. Повсюду кипела жизнь. Вот справа послышались крики торговцев, бранящих рабочих, которые уронили ящик с ценным грузом. Дробный стук деревянных колодок говорил о том, что где-то толкли зерно на муку. А прямо перед нами работороговец провел вереницу англов и ирландцев, которых не выкупили или не смогли выкупить родственники при захвате, и лица которых не выражали ничего, кроме покорности судьбе, а глаза были пусты и тусклы в своей обреченности.

Длинные дома, к которым я привык, практически отсутствовали. Их сменили небольшие, больше квадратные, чем прямоугольные, постройки из грубо обтесанных бревен с крышей из коры и дерна. Между ними бегали ребятишки, кто помладше – с игрушечными деревянными мечами и топорами, кто постарше – с поручениями от взрослых.

Каждый был занят своим делом, люди не останавливались и не разговаривали, спеша сделать за день как можно больше. Кузнецы пели звоном и лязгом металла, прядильщицы шептали шорохом шерстяных нитей, вплетая в карабельные канаты волосы рано умерших девственных девушек для защиты мореплавателей от чар ундин, плотники и корабельщики переговаривались стуками молотков и топоров. Поселение существовало и жило, как огромный организм, каждый его орган делал свою работу, но вместе они соединялись в единое целое, следуя единственной цели – жить и двигаться.

Пробираясь сквозь толпу людей, которые не обращали на нас никакого внимания, мы быстро двигались в одном направлении. Даже с моим опытом охотника я вскоре запутался в многочисленных переходах и поворотах. Но ни на миг не потерял бдительности. Почему-то этот город показался мне опаснее, чем леса с дикими зверями. В лесу все было просто и понятно, опасность представляла перед тобой лицом к лицу, здесь же опасность будто пряталась за каждым поворотом, выслеживая слабую или большую добычу, и ускользала за следующий поворот, как только ты проходил этот. Ускользала не для того, чтобы уйти, уползти, а лишь для того, чтобы переждать и напасть, когда добыча расслабиться и почувствует себя в безопасности, когда добыча будет уязвимой. И я почувствовал незримые глаза, следящие за мной из каждой тени.

Что это было за ощущение? Предчувствие угрозы. Касалось оно меня одного, предвещало лишь мне беду или это была часть самого существа города, его внутренняя скрытая сторона? Будто чья-то ладонь сжала моё сердце, заставив его на миг остановиться, после чего оно вновь глухо застучало в груди, быть может, чуточку быстрее, чем пару вдохов назад. Отвлек меня отец, коснувшись моего локтя и указывая на что-то. Я сразу узнал это строение, хотя и увидел его впервые. Христианская церковь с крестом на двери и крестом на крыше стояла на возвышенности немного в стороне от домов. Отец рассказывал мне о христианстве, которое было распространено у англов, ирландцев, шотландцев и франков. Поэтому узнать христианский храм не представлялось сложным из-за многочисленных крестов.

— Я помню на этом месте хов великому Тору и Одину, — тихо, почти шёпотом, сказал отец. — Я слышал, что конунг не только сам принял христианство, но и всячески поощряет его распространение. Но до этого момента я и подумать не мог, что он осмелится разрушить хов наших Богов, не боясь их гнева... Пойдём, на улице опасно высказывать свои мысли. Мне нужно поговорить с твоим дядей.

Дальше мы шли молча до самого дома дяди. Мой дядя, брат отца по брату моего деда, был кузнецом. И, увидев, к какому добротному дому мы подходили, я предположил, что кузнецом он был известным и уважаемым. Длинный дом, больше пятнадцати шагов в длину, опирался на шесть тол-

стых стволов, не менее двух пядей в объёме. Крыша, в отличие от большинства местных построек, была покрыта не дерном или берестой, а деревянными дощечками. На отдалении от дома стояла большая рабочая постройка из камня и бревен, закопченных до черноты, которая и была кузницей.

Сейчас, накануне тинга, кузница стояла безмолвная, и можно было подумать, что она пустует, если бы не приоткрытая в узком проеме двери кожаная завеса. Отец направился напрямую к кузнице, я двинулся следом, незаметно поглядывая по сторонам.

— Хальвдан! – воскликнул отец вышедшему из кузницы мужчине могучего телосложения с длинными темными волосами, собранными кожаной лентой в хвост на затылке. – Надеюсь, ты получил мое послание и наш приход не стал для тебя неожиданностью?

— Да, Ульф. – ответил Хальвдан и по-мужски неловко приобнял отца, хлопнув его по спине. – Торговец был здесь в конце весны. Не советую тебе больше обращаться к нему с просьбами. Говорил о себе, как о добром христианине, а сам только и намекал на то, чтобы не оплачивать бо'льшую часть работы по оковке сундуков за услугу, что оказал моему брату.

— Да как он посмел, – разозлился отец, – я ему не только вяленого мяса и рыбы дал в дорогу, но и несколько бобровых и лисьих мехов лишь за то, чтобы он передал тебе моё послание о прибытии на тинг со старшим сыном. И ему даже

не пришлось специально заворачивать к тебе, так как он намеревался идти в твою кузницу по прибытию в город. Порой мне кажется, что чем громче человек кричит о своей христианской добродетели, тем скорее нужно обходить его стороной, так как в нем нет ни капли этой самой добродетели. — отец покачал головой, нахмутив брови.

— Наше время слишком ценное, чтобы тратить его на таких типов — не будем о нем больше говорить. Познакомь меня лучше со своим сыном. Вижу, крепкий малый вырос. А глаза-то, глаза — как янтарь искрят. — пожал мне руку дядя после моего приветствия, оценивающе рассматривая меня. — Ну пойдёмте в дом, пообедаем да поговорим.

Все вместе направились мы в дом, который, войдя, я тут же с любопытством стал осматривать. Хозяин водил нас из комнаты в комнату, чтобы мы смогли оценить, какие изменения он внес в его конструкцию для удобства детей и жены. Дом состоял не из одной комнаты, как я привык видеть, а был поделен на несколько. В одной оказалась кладовка, в другой кухня с маленьким круглым очагом, чаном для сыра и масла, лавками, прялками и ткацким станком, а третью занимали хозяин с хозяйкой во время сна. Самая большая же комната, с очагом шагов пять в длину, вмещала в себя лавки, разставленные вдоль стен, матрасы, набитые соломой, медвежьи и волчьи меха для сна, которые разстилались лишь на ночь. Такого большого дома я ещё не видел. Наш дом был значительно меньше, отец был свободным бондом, но владел

лишь небольшим участком земли, который смог купить на деньги, оставшиеся от его доли добычи после выкупа матери.

Показав дом, довольный дядя представил нас своей семье – жене, крепкой рослой женщине с широкой костью, в волосах которой, несмотря на возраст, не было ни одного серебряного волоска, двум дочерям примерно моего возраста, и трём сыновьям подросткам, четвёртого сына, совсем малыша, держала на руках одна из сестёр. Первый же сын вместе с женой и детьми обосновался в Исландии, взяв там свободный участок земли и занявшись скотоводством.

Женщины уже хлопотали у очага, попеременно выбегая то на кухню, то в кладовую. Скоро стол был накрыт, и мы с отцом принялись за домашнюю еду, по которой соскучились за время перехода. Отец лишь изредка задавал вопросы, дядю дважды просить не нужно было – он, не замолкая, рассказывал новости о жизни Нидароса, слухи, что привозили с собой торговцы о других странах и то, о чем шептались многие, но вслух сказать не решался никто – о притеснении истинной веры в Богов чуждой верой, которая, практически насильно, навязывалась. Если собирался поход из множества драккаров, то выплыть из фьорда разрешалось только тем, кто принял христианство, иначе человеку было отказано участвовать в походе под каким-то предлогом.

Хёрги, ховы и вё уничтожались. Но уничтожались скрытно. Так однажды ночью неизвестно кем был сожжен и разрушен хов Тора. Был разрушен, но не был восстановлен.

Спустя время на его месте появилась христианская часовня. Несколько жрецов годи были найдены мёртвыми в своих домах, убийц так и не нашли.

Слушая рассказ дяди, я решил, что не дам обратить себя в ложную навязанную веру. Что я и моя будущая семья не предадим своих Богов, а значит, мои планы о новых землях находили под собой все более твердую почву для действий. В голове у меня уже появились мысли, как уплыть, не проходя крещение – я куплю и повешу себе на шею крест, говоря, что уже крещен, а как только покину берега Нидароса – спрячу его подальше, но не выброшу, вдруг мне придётся притворяться ещё где-то. О'дин поймет, что крест я надевал, притворяясь, и простит меня. Я видел христианинов среди торговцев у себя в поселении, видел их в большом количестве и здесь. Они всегда пытались выделиться, показать другим свое превосходство, вывешивая кресты на всеобщее обозрение. Сила же наших Богов была незрима, но могущественна. Амулеты, что создавали мы, защищали нас от врагов, но никогда не выставлялись напоказ как символ поклонения. И мы никогда насильно не заставляли никого менять свою веру, даже рабов. Здесь, где мою свободу хотели отнять, для меня больше не было места.

Такие мысли бродили в моей голове, пока я после обеда учил во дворе трех своих братьев метать чекан. Я всегда предпочитал топор мечу и луку. Меч был хорош в ближнем бою, но становился бесполезен на разстоянии. Лук же, на-

оборот, был бесполезен при ближнем бое, убивая на расстоянии. Топор же мог заменить и меч, и лук.

— Неплохо ты управляешься с топором, — послышался сзади голос дяди. — Дай посмотреть.

Я вложил свой топор в протянутую руку, которая начала быстрыми движениями пальцев ощупывать рукоять, простукивать лезвие и выравнивать баланс на ладони.

— Хороший топор. Ваш кузнец делал? Неплохо, неплохо для кузнеца небольшого поселения. Хороший топор, — вновь повторил он в задумчивости, — только без души, неживой. Как, кстати, и все мои работы в последнее время... Теперь у нас запрещено говорить и даже думать, что вещь у мастера может получиться одушевленной, со своим нравом, способным влиять на человека. Ересь, вот как это теперь называют. — и, вернув мне топор, он в задумчивости ушел в кузницу, не произнеся более ни слова.

Спустя немного времени мы все собрались в доме и стали готовиться ко сну, так как тинг начинался с восходом солнца, поэтому нужно было встать пораньше. К тому же место для всеобщего тинга находилось за пределами поселения, в отличии от площади для внутригородских собраний. Утром мы встали, когда женщины и дети ещё спали. Доев остатки ужина, я, отец и дядя вышли из дома и пошли в сторону площадки для тинга, которая виднелась на возвышении за поселением. Несмотря на раннее время, мы были не первые, кто уже шёл на тинг. Неясные в утреннем свете тени двигались

в одну сторону, сливаясь в безмолвную серую реку.

Место для тинга находилось на обширном пологом холме сразу за границей поселения. Площадка была подобрана очень удачно – голос говорившего разносился по всей площадке, а естественная возвышенность защищала собрание от внезапного нападения. Вся территория тинга была окружена ритуальными камнями с дорожками рунических заклинаний и оберегов. Рунические камни в рост человека должны были не только внушить благоговение входящим на тинг, но и показать, что всё, что происходило на тинге, происходило по воле Богов. Мы двинулись к середине площадки, к законному камню. Ближе всего к лагманам и конунгу, место которых было у законного камня, в первых рядах расположились ярлы и хёвдинги, представлявшие свои семейства, далее – бонды, свободные ремесленники и воины Нидароса, пользующиеся всеобщим уважением и признанием. Именно здесь было наше с отцом и дядей место.

Шагах в тридцати от законного камня я увидел жертвенный камень. Священный камень стал основанием для большого, в два или три человеческих роста, креста. Издали, при подходе, я видел крест, но думал, что его установили на северной стороне тинговой поляны рядом с жертвенным камнем. Возмущение и ярость вскипели во мне при виде осквернения священного хёрга. Мелкая дрожь охватила все тело, а руки сжались в кулаки, отчего вены вздулись как корабельные верёвки. На своей руке я почувствовал руку отца. Он с

такой силой сжал моё запястье, что там наверняка останутся следы, и прошептал:

— Успокойся. Сейчас не время давать волю чувствам.

Я с трудом унял волну гнева, всколыхнувшуюся во мне. И до самого начала тинга думал о том, как христианский Бог, о котором говорили, как о добром, милостивом и всепонимающем, принимает то, что вера в него пришла не через добрую волю человека, а насилием над ним. В думах этих я не замечал ни разговоров вокруг себя, ни самих людей. И очнулся только тогда, когда услышал громкий голос законодворителя, который известил о начале тинга.

Много свободных и знатных людей присутствовало на этом тинге. И много важных вопросов решалось. И именно здесь Олаф Трюггвасон объявил о принятии христианства как официальной религии Норвегии. И большинство знати поддержало его - свободной ли волей, угрозами или убеждением. И тут же после голосования, где большинство белых камней по сравнению с черными утвердили этот закон, конунг объявил о запрете на старые обряды и приказал разрушить все священные места поклонения старым Богам, отстроив на их месте церкви. Наказанием за нарушение закона было объявлено лишение земель и имущества, изгнание или смерть, в зависимости от тяжести нарушения. Многие были недовольны, многие шептали о предательстве своих Богов и своей страны, но сделать ничего не могли, подчинившись большинству, по крайней мере сейчас. Выбор был жесток –

прими крещение водой или тебя ждало крещение огнем и железом.

Закончился всеобщий тинг, когда солнце ещё стояло высоко в небе. И многие, вернувшись в город, приступили к своим делам. Мы тоже, зайдя в дом дяди и насытившись, отправились на рынок, чтобы продать наши товары. Дядя же остался дома, сразу после нашего ухода скрывшись в кузнице.

Товары наши, принесенные на продажу, отличались высоким качеством – благодаря моим и отцовским навыкам ловли и меткости стрельбы многие ценные меха горносталя, бобра и соболя сохранили почти всю поверхность целой от хвостов до головы. Здесь на рынке мы могли выручить за них намного больше, чем продавая торговцам, приходящим в наше селение. Делая свои дела, мы повсюду слышали недовольный шёпот или громкий одобрительный голос при обсуждении тинга. На наших глазах происходило столкновение старых поконов и новых законов.

Продав все шкуры и меха по хорошим ценам, мы купили подарки родным, семье дяди и некоторые вещи для быта. Самые же редкие шкурки с белым мехом горносталя, несколько особенно крупных соболиных, бобровых шкур и большую шкуру бурого медведя мы оставили для дара конунгу, попасть к которому лично мы смогли благодаря влиянию моего дяди, старшего кузнеца в Нидаросе. Наша основная цель, ради которой мы и пришли в Нидарос, была в получении

отцом одала. Получение прав на передачу земель по наследству. Но после произошедшего на тинге мы с отцом опасались, что наше прошение будет одобрено только при условии крещения и обращения в христианство. Поэтому заранее обговорили, ещё обедая в доме дяди, что будем делать, если конунг поставит такое условие. У отца выбора не было – ради семьи он был готов на все. Я же решил идти до конца, чтобы достичь своей цели. Поэтому было решено провести тайное жертвоприношение дичи и меда на блоте с мольбой к Одину. И заверить, что все наши слова при крещении будут ложью, что наши сердца и умы останутся верны лишь ему, что мы вверяем жизни его воле и справедливости.

К дому конунга мы подходили успокоенные собственным планом, поэтому взгляд наш был прямолинеен, а рука тверда. Длинный дом поражал своим величием - более сорока шагов в длину, на всех опорных столбах были вырезаны руны и фигуры животных. Вход же охраняли во'роны Одина, вырезанные с такой точностью, что казалось, будто они наблюдают за тобой. С мрачностью подумал я, что недолго осталось им наблюдать за входящими после сегодняшнего принятия закона о христианстве. Вскоре их заменят кресты. Нас остановили на входе хирдменны и заставили ждать, пока они испросят для нас дозволения войти.

Конунг Олаф сидел на троне, искусно вырезанном из цельного куска огромного ясеня. На его груди висел массивный золотой крест.

— Приветствую тебя, конунг всей Норвегии. – слегка поклонившись, произнес отец. – Пришёл я с дарами. мехом белого горноста для воротника и шапки твоей жены. мехом соболя и бобра для воинов твоих приближенных. И шкурой огромного бурого медведя для трона твоего.

— Приветствую и я тебя, Ульф Безшумный. Да, да, я знаю кто ты. Слава о тебе, как о хорошем охотнике, доходила и до нас. Немало твоих мехов и я купил у торговцев. Чего же ты просишь для себя?

— Прошу тебя дать мне одал и записать моё имя в земельную книгу. – отец говорил с почтением, но не умоляюще. Взор его был направлен прямо в глаза конунгу. Внутренняя сила и собственное достоинство светились в его глазах. Я же стоял на отдалении у входа, не мешая старшим вести беседу.

— Альвхильд! – позвал Олаф. Позвал тихо, но она тут же вышла из комнаты, отгороженной от общей залы деревянной перегородкой. Сразу стало понятно, что все это время она находилась там и ждала приказов своего хозяина. Не иначе как служанка-ключница, так как на поясе ее висела увесистая связка ключей от кладовых и хранилищ. – Позови рабынь и унеси меха.

И больше не обращая на неё внимания, опять заговорил:

— Земля – дар Божий, Ульф Безшумный. И владеть ею может лишь тот, кто признает Христа, спасителя наших душ. Прими крещение и твоё имя впишут в земельную книгу. А когда вернешься в свое поселение, не забудь рассказать о мо-

ей милости ярлу, а поселенцам о своей новой вере. – конунг улыбался, а я смотрел на него и думал о том, какой он коварный. Не так просто обратить людей в новую веру насильно, но куда как проще обратить в новую веру подкупом. К тому же, если мой отец, уважаемый в округе человек, расскажет, что принял христианство, то остальные будут уже не так сильно настроены против новой веры.

— Я готов, конунг, принять христианство и креститься. Что я должен сделать для этого? – сказал отец после недолгого молчания, делая вид, что условие конунга застало его врасплох, и он думает. Голос отца даже не дрогнул, и я в очередной раз подивился дальновидности и мудрости отца, который предвидел подобный исход и подготовился заранее, обсудив со мной свое решение.

— Приходи со своим сыном завтра с восходом солнца в новую часовню, что стоит на холме, на том месте, где раньше стоял храм старым богам.

В этот момент вернулась ключница с рабынями, чтобы забрать у меня меха. Я не обратил на нее внимания в первый раз, сосредоточившись на разговоре отца с конунгом. Повернулся к ней – и сердце моё замерло. Два зеленых глаза, таких темных, будто они поглотили весь свет, смотрели на меня вопросительно в ожидании, когда я отдам шкуры. Медленно, будто мои мышцы замёрзли от зимнего холода, я протянул шкуры. Она подошла ещё ближе, деля груз между рабынями, и её длинные волосы цвета тёмного мёда, почти косну-

лись моей руки. А я почувствовал запах. Тот самый запах, который я бы узнал среди сотен и сотен других – запах цветов, меда и дыма очага. Так я и стоял, слишком потрясенный, чтобы двигаться. Я мог только смотреть. И видел я перед собой Ту, которую сердце мое выбрало раньше разума. Я видел перед собой избранную для меня Богами. Я видел перед собой золотую нить полотна своей жизни.

— Я вижу, сыну твоему приглянулась моя Альвхильд, – голос конунга вывел меня из оцепенения, вернув к действительности. Взглянув на него, я увидел злой блеск и лёд в глазах.

— Красота вашей служанки застала меня врасплох, мой конунг, – произнёс я твердым голосом, хотя внутри меня все трепетало и звенело от напряжения, как натянутая тетива лука.

— Да, она красива. И к тому же умна, знает руны и может слагать мудрые висы. Альвхильд попала ко мне рабыней, но её ум был так заметен и выразителен, что я сделал её своей главной ключницей, даровав свободу, но оставив в услужении. – тёмные глаза конунга неотрывно наблюдали за мной. И я понял, что он оставил девушку возле себя не только за ум. В его голосе слышалось раздражение, вызванное ревностью.

В наш разговор, сняв напряжение, вступил отец, поздравив конунга со столь ценным приобретением и прося соизволения идти, так как скоро мы должны были отправиться

домой, и поэтому он хотел бы больше времени провести с братом, которого не видел очень много зим.

Мы вышли из дома конунга, направившись к дяде. И мне казалось, что часть меня больше не принадлежала мне, утянутая в болотный омут тех глаз.

Выбор

Я не помню, как прошел остаток дня. И моя ночь была бессонной. Я думал, а мои мысли кружили в голове, как вороны над полем битвы. Я думал, а мои чувства менялись со скоростью рыб, плывущих в горных реках. Я думал, а мои воспоминания возвращали меня к священному древу и трём богиням. Я влюбился с первого взгляда в Альвхильд. Но был ли это мой выбор? А что, если я влюбился не по собственной воле, а потому, что за меня выбрали Боги? Полюбил бы я ее, если бы не узнал тот запах, тот сладкий запах, который до сих пор мерещился мне? Полюбил бы я ее так внезапно и безоговорочно, если бы ранее не узнал, что она есть часть меня, а я стану частью ее? В вязкой тишине ночи повеял туман воспоминаний и мне послышался хриплый голос Урд:

— Иногда знание может усложнить выбор там, где он казался простым и лёгким...

Пока я не увидел ее, мой путь представлялся мне ясным и прямым. Теперь же... Что делать мне теперь?

Под утро я принял решение узнать как можно больше о

ней. А после того как, попрощавшись с семьей, вернуться обратно к дяде ждать драккар для отплытия в Гренландию, то попытаюсь поговорить с ней, узнать ее поближе. Полюбило моё сердце мимолетную мысль или фюльгья указала моему сердцу на истинную любовь, которая не заканчивается даже с концом земной жизни? Это мне предстоит узнать.

Приняв решение, я спокойно уснул. Но вскоре отец уже будил меня, чтобы собираться в церковь. С тяжёлым сердцем, молча, шли мы в часовню.

Это была первая христианская часовня в Нидаросе. В основании её лежали камни, которые служили фундаментом ещё храму Одина и Тора. Сама же постройка была деревянной, из свежеструганных досок. На двери был прибит крест, ручка же под ним почему-то напоминала молот Тора. Войдя в часовню, мы увидели священника, который стоял на коленях перед крестом с подвешенным на нем человеком. Столь изящно вырезан крест был из дерева, что стоил, несомненно, немалых денег. Не обратив на нас никакого внимания, священник продолжал молиться. Мы же молча стояли у дверей, ожидая доверенного от конунга, который должен был оповестить его о выполнении условий для предоставления отцу одала. Время шло, мы ждали. Из любопытства я осматривался по сторонам.

Часовня состояла из двух комнат – вторая поменьше служила священнику домом и была отгорожена от первой деревянной перегородкой. Большая комната была шагов десять в

длину, имела всего одно окно и была пуста, не считая большого чана с водой посередине комнаты и алтаря с крестом, находившимися в восточной стороне комнаты. Тут дверь, скрипнув, отворилась и вошла Альвхильд с одним из хирдменнов конунга.

— Престр Фридрех, – тихо окликнула священника Альвхильд.

Спустя несколько минут священник встал, закончив молитву, и повернулся к нам. Поманив нас рукой к чану с водой, он на ломаном скандинавском сказал встать нам на колени, а сам начал что-то говорить на незнакомом языке. После того, как мы произнесли слова об отречении от старой веры и принятии истинно правильной веры, как трижды окунулись по очереди головами в чан с водой, как, стоя на коленях, дали повесить на себя простые металлические кресты, мы смогли покинуть часовню. Священник в это время вновь встал на колени перед алтарем и вновь зашептал молитву.

Выйдя на улицу, мы с удивлением обнаружили, что уже позднее утро и вокруг повсюду снуют люди со своими заботами и делами. Мы шли следом за служанкой, а хирдменн, который так и не произнес ни слова, замыкал наше небольшое шествие по направлению к дому конунга. Там законоговоритель должен был выдать нам камни с рунами об одале.

— Приветствую тебя, Альвхильд, – произнёс я, решив все же догнать девушку. – Ты с самого утра не произнесла ни одного слова. Разве конунг запретил тебе разговаривать с на-

ми? И почему именно тебя послали засвидетельствовать выполнение условий?

Я был рад, что ее статус позволял мне разговаривать с ней свободно и без условностей. Но все же был немного смущен своей смелостью обратиться к ней напрямую.

— И я приветствую тебя, Сигмунд, – улыбнулась она мне в ответ. – Нет, никаких запретов не было. Но каких же слов ты ждал от меня, ведь мы не знакомы, а наши жизни слишком разные, чтобы иметь общую нить? Разговор ради разговора имеет такую же ценность, что и ценность меха, подпорченного молью. А послал меня конунг лишь потому, что доверенный его херсир сейчас в отъезде по важному делу.

Я слушал её, не переставая восхищаться правильными чертами лица, блеском длинных волос, негромким мелодичным голосом и улыбкой, будто сияющей добротой. Блеском глаз и легкостью походки она почему-то напомнила мне мать. Мне сразу стало понятно, что она из знатной семьи – горделивая осанка, мягкость манер, правильная грамотная речь. И мне стало понятно, что она, возможно, не только ключница, но и незримая советница конунга, с такой гордостью он описывал ее ум и достоинства, как если бы она была его кюной. Я ошибся, принизив изначально её статус. Теперь понятно, почему конунг разсердился, когда заметил моё внимание к ней. Ведь по праву свободного человека и желания Альвхильд я мог выкупить ее из услужения, вступив с ней в союз.

— Разговор для тебя всегда должен быть наполнен смыслом? — ответил я ей улыбкой и словом. — Но смысл есть в каждом разговоре, только его ценность для каждого своя. Кому-то и горностаевая шапка не по нраву, а нищему или бесправному и побитая молью будет самой лучшей. Но скажи, почему ты считаешь, что наши пути слишком разные, чтобы переплестись и лечь рядом?

— Ты слишком напорист и самоуверен для такого молодого юноши, — разсмеялась она, и смех ее показался мне музыкой, которая могла звучать только в покоях Фрейи, а лукавые искорки в глазах напомнили звезды мирового неба, которые мне довелось увидеть над древним Иггдрасилем. — Что общего может быть между охотником, проводящим все время в лесах, и женщиной, стремящейся к суете большого поселения, стремящейся внести свой вклад в справедливое будущее народа, если ей выпал шанс стать советницей конунга? — последнее она произносила уже шепотом. — Если я могу влиять на судьбы людей, то во благо их я должна находиться там, где могу быть полезной. Жить для самой себя, когда тебе дана власть, несправедливо и эгоистично.

При последних словах тень печали пробежала по её лицу, а глаза потухли на мгновение, став темнее обычного. Но, если её и посетила какая-то мрачная мысль, то она пронеслась быстро, как олень, убегающий от волка в степи. И вот на меня снова смотрят чарующие глаза с любопытством и заинтересованностью.

— Власть развращает все, с чем соприкасается... Вот и ты уже гордо разделяешь наши положения, определяя союз со мной как невозможный лишь потому, что я не имею положения в обществе. Но я сын свободного бонда и волен пойти любым путем, усердно трудясь или ища славы. И разве рожденный в семье охотника должен сам становится охотником? Мои цели другие. Я открою тебе их — они стремятся на запад, в сторону неизвестных земель, где я смогу получить свой собственный кусок земли, где я смогу проявить себя и, возможно, заслужить знатное положение своими трудами, а не наследованием.

— Прости мои слова, Сигмунд, — со смущением произнесла Альвхильд, — ты прав, я оскорбила тебя незаслуженно. Но неужели ты считаешь, что так просто променять прочное положение здесь, рядом с конунгом всей Норвегии, на зыбкие надежды на то, что где-то там существует пригодная для жизни земля? Здесь я хотя бы точно знаю, что мои советы несут людям добро, обуздывая жестокость Олафа. А там, что может ждать меня там?

— Сегодня власть есть, завтра ее уже нет. Сегодня ты личная ключница и советница конунга, а завтра ты можешь стать рабыней его врагов. Разве это прочное положение? Чем больше власти человек имеет, тем больше найдется людей, которые захотят эту власть себе забрать. К тому же последние события на тинге не прибавили уважения к конунгу. А там тебя ждет свобода и счастье рядом со мной. И когда я

доберусь до тех земель, когда я построю там дом для тебя и наших детей, я вернусь за тобой.

— Ты говоришь так, будто заведомо знаешь, что наши судьбы могут быть сплетены вместе. Но мы ведь совершенно не знаем друг друга! Ты мне нравишься, Сигмунд. Но не более. К тому же влечение тел не определяет счастье в семье.

Я не успел ничего ответить, хотя в голове моей теснились невысказанные слова, как пчелы в переполненном улье, а мы уже подошли к дому конунга и нас провели внутрь. Выйдя из дома с полученным руническим камнем, мы направились к дому дяди. Отец, по обыкновению, ни о чем меня не расспрашивал, хотя видел наш разговор и не мог не заметить мой интерес к девушке.

Остаток дня мы провели в разговорах и домашних делах, наслаждаясь уютом дядино дома. И чем сильнее чувствовали счастье дяди и его семьи, тем сильнее скучали по своей. Брунгильда, жена дяди, передала в подарок матери обережный пояс, который она выткала своими руками, а сёстрам красивые ленты для волос. Дядя же передал подарки братьям — два красивых металлических браслета, которые они должны были надеть на следующий год как признак становления мужчинами. Браслеты были одинаковыми до мелочей. Даже головы волков на обоих браслетах мало чем отличались друг от друга. В восхищении отец и я поблагодарили дядю и тётю. А с восходом следующего дня двинулись в обратный путь, встретившись в воротах с нашими спутниками.

Обратный путь пролетел для меня, как один день. Я проснулся с мыслями о ней, лег спать с мыслями о ней, а в моих снах Альвхильд танцевала и смеялась перезвоном колокольчиков, но как только я подбегал к ней, то она тут же оказывалась на десять шагов впереди меня. Даже родные места не принесли мне облегчения. Стук моего сердца стал стуком боевого барабана. Взгляд мой блуждал вокруг, не замечая ничего. Моё тело будто готовилось к битве. К битве за собственную жизнь, но не во плоти, а в разуме.

Возвращение домой было столь же радостным, сколь и печальным. Я понимал, что вскоре мне придётся проститься с моими родными, возможно, навсегда. Поэтому каждый день, каждый миг я проводил с семьёй. Мать, сестёр и братьев я известил о своём решении в тот же вечер. Сестры начали меня отговаривать, братья же были в восторге - мой дальнейший путь представлялся им путем героя, который чуть ли не каждый день совершает подвиги и возвращается в сиянии славы, забрав их с собой на новые подвиги и открытие всё новых земель. Мама молча выслушала меня и так же молча, обняла. Слова были лишними, мы оба знали, что наши пути расходятся, и мы оба знали, что любовь друг к другу навсегда останется в наших сердцах. Зная, что скоро настанет день расставания, она сшила мне рубашку с бережным узором, который должен был не только защищать меня от злых духов и всех стихий, но и от людской подлости.

Оставшееся время прошло быстрее, чем я ожидал. Но ес-

ли приходится перерубать связь с прошлым, то нужно сделать это точным и метким ударом, не оставив себе шанса повернуть вспять. Тот, кто постоянно оглядывается назад, стоит на месте, так как взор его не видит путь возможностей перед собой, а видит лишь путь сожалений позади себя.

И вот, попрощавшись с родными, я отправился обратно в Нидарос. А внутри меня крепло убеждение, что я больше никогда не увижу родных мест. Я шел и пытался оставить в памяти каждый кустик, дерево, холм. Вдыхал свежий, наполненный цветами, травами, лесом, воздух, сохраняя память о его вкусе. Но в то же время, я чувствовал легкость. Ту легкость, которая идёт в ногу с тобой по пути, когда ты решился, и, сделав первый трудный шаг, каждый последующий шаг делать все проще.

По прибытии в Нидарос меня ждал неожиданный и оттого ещё более удивительный подарок. Оценив моё умение метать топор, дядя сделал для меня боевой чекан, который был удобен не только в ближнем бою, но и был отлично сбалансирован для метания на охоте. Я подозревал, что дядя знает секретные техникиковки металла, которые и позволяют ему создавать прочные и надежные инструменты, оружие и подковы. Сам дядя рассказывал, что его отец много странствовал по южным землям за пределами Скандинавии. Думаю, там он и узнал методы обработки металла, решив стать кузнецом.

Это был прекрасный и в то же время опасный топор. Он

лёг в руку так естественно, будто сам был продолжением руки. Гладкая рукоять, обтянутая кожей тюленя, лежала в руке крепко, не скользя. Само лезвие тускло поблескивало, будто впитывая, а не отражая солнечный свет. Взяв его в руку, я сразу почувствовал его особенность, его магическую силу. От изумления и восхищения я не мог вымолвить ни слова, дядя же тихо сказал:

— Это последний и самый лучший топор, который я ковал с помощью наших Богов и магии уходящего мира. Конунг выбрал меня своим кузнецом и не оставил мне выбора. Два дня назад нас с семьёй крестили. Знай, Сигмунд, что топор выкован из небесного железа под взорами Богов и закален в крови знатного хёвдинга, который не захотел принять христианского Бога, за что был лишен имущества и приговорен к смерти. Это был храбрый старый воин. Я знал его. И, когда я увидел его прикованным к позорному столбу, я спросил у него разрешения использовать его кровь, и он дал согласие. Я рисковал своим положением, но, видя перед собой результат, ни о чем не жалею.

Три ночи я ковал его при полной луне, и иногда мне казалось, что сами дверги и альвы стучат рядом со мной по наковальне, а моя рука – это рука самого Вёлунда. Топор этот может с одинаковой легкостью разрубить пух и камень, лезвие его не тупится и не ржавеет, а кровь врага он впитывает в себя, становясь в битве легче перышка и защищая хозяина. Он обладает своей волей и если посчитает тебя достойным

носить его, то будет помогать тебе, в битве или на охоте, и всегда вернется в твою руку, иначе же станет так тяжёл, что ты не сможешь его даже поднять. Но знай, если ты достанешь его, то не сможешь вложить обратно, пока он не напьется крови. Все наши ритуалы и блоты караются теперь смертью, объявлены вне закона, так пусть же этот топор оставит свое и твое имя в сагах и висах, как символ нерушимости истинной веры, как оружие великого охотника или воина-завоевателя. И не будет он уничтожен ни рукой человека, ни временем. Имя ему – Песнь Смерти.

Принял я дар от дяди с благоговением и почтением, так как понял, что не просто так этот топор Боги вложили мне в руки. Самонадеянно думал я, что получил знак от них, благоволящих моему будущему путешествию. Следующие несколько недель, пока я ждал, когда же появится драккар, плывущий на запад, я провел в местных лесах, на охоте, заходя дальше прочих в глушь, где водилось много ценного зверья. Каждый бросок топора был точен, метал я его с расстояния в десять или тридцать шагов. И при каждом ударе о дерево, когда я тренировался, или о дичь, которую он настигал, слышался тихий звон, словно топор пел свою, понятную только ему, песнь.

Боги благоволили мне не только в этом. Вскоре узнал я, что в город приплыл Лейф Эрикссон, сын Эрика Рыжего, для налаживания торговых связей и выражения почтения конунгу Норвегии. Лейф принял от него христианство и теперь

планировал вернуться домой для его распространения среди норвежцев, живущих на тех землях. Это был мой шанс уплыть в Гренландию, чтобы узнать более подробно о новых землях на западе. Но это был ясный путь до того, как я встретил Альвхильд. Раньше меня ничего не удерживало в Норвегии, теперь же я чувствовал, что привязан к родной стране крепче корней древнего ясеня, что держат его в земной тверди.

И я решил спросить у Брунгильды, знает ли она что-нибудь о судьбе ключницы конунга. И она поведала мне историю её жизни. Альвхильд, такое имя ей дали, потому что свое истинное имя она не называла, была дочерью предводителя русов, храбрых и мудрых мужей восточных земель. После одного из походов датскому конунгу привели в дар молодую рабыню, красотой и гордым нравом не уступающей кюне. Была она девушкой, едва покинувшей возраст девочки, но уже умела читать руны, знала скандинавский язык и секреты знахарства и целительства руками. Выкупить её никто не смог, так как вся семья ее была убита, сражаясь насмерть, никто из них не захотел становиться рабом. Даже жена князя, сверкая зеленью глаз, увела за собой четырех воинов, поцарапав их отравленным лезвием. Боролась она как дикая кошка, пробираясь к младшей дочери, не иначе, как и её забрать с собой хотела, чтобы не досталась она врагам. Красота девочки так поразила воинов, что они решили преподнести её нетронутой в дар самому конунгу Дании. Там

она и жила, изучая обычаи Скандинавии. А сам датский конунг Свен Вилобородый вскоре преподнес ее в дар конунгу Олафу в знак перемирия и сотрудничества. Красота и ум девушки поразили конунга, который сделал её своей служанкой-ключницей и, как поговаривали, личной советницей.

Узнав о том, что Лейф Эрикссон был гостем в доме конунга, я решил увидаться с ним, чтобы договориться об отплытии на его драккаре и плате за место, если решу отплыть в новые земли. Такая удачная возможность, какая была передо мной, случается хорошо если раз в жизни, поэтому надо изучить ее как следует, даже если впоследствии я решу не пользоваться ею. Как и в прошлый раз, дядя просил за меня, поэтому мне недолго пришлось ждать приглашения в дом конунга. И имел я ещё тайную цель – увидаться с Альвхильд и поговорить с ней наедине, если удастся. Но перед этим я отнес на рынок все меха, что заполучил на охоте, чтобы продать их, и на вырученные деньги оплатить свой путь на корабле.

Каково было моё удивление, когда увидел я ту, что снилась мне все это время, в людской толпе рынка. Я как раз закончил свои дела, поэтому, не теряя времени пошёл к ней. Альвхильд сопровождали три рабыни, вместе с которыми она пополняла продукты для кладовой. С удовольствием я заметил, что она была рада мне – на её лице мелькнула и пропала довольная улыбка, а глаза, встретившись с моими, в смущении опустились.

— Я принёс тебе подарок, – сказал я ей вместо приветствия, доставая гребень из цельной белесой кости какого-то огромного животного из южных земель, который я только что купил у торговца украшениями. Вся поверхность гребня была украшена мелкой и изящной резьбой в виде цветов и листьев.

— Я принимаю твой подарок, – ответила она, любуясь красивой работой. – Но не думай, что это что-то значит! – тут же добавила она, метнув на меня подозрительный взгляд темной зелени.

— Я и не думал обязывать тебя своим даром! – воскликнул я и невольно улыбнулся своим мыслям. – Просто увидел его и подумал, что он напоминает о твоём удивительно красивом цвете глаз.

Она улыбнулась в ответ, и я почувствовал, что именно ради такой улыбки совершались подвиги наших предков, а мой отец полюбил мою мать. Моё сердце перестало существовать как часть меня. Теперь оно было её частью. И от её настроения оно теперь могло болеть или трепетать от радости, сжиматься в страхе или расширяться, вбирая в себя любовь ко всему окружающему. И, взглянув в её глаза, я увидел там отражение неясной волчьей тени. Мой фюльгья, воплотившийся в волка, дал мне знак. Больше не было сомнений. Рядом со мной шла та, которую я нашёл бы среди тысячи звёзд, которая стала смыслом моей жизни. Любовь переполняла меня, не оставив места в груди для воздуха. И в этот момент

я понял, что наши души неразрывно связаны, и она, узнав меня ближе, полюбила бы меня так же сильно, как я её. Ведь вместе мы создавали единое целое.

— Я уплываю на поиски новых земель далеко на западе. Дальше Гренландии. Я хочу свободы для себя и своих детей. И я зову тебя уплыть вместе с собой. Зову тебя построить наш новый свободный мир, — сказал я на одном дыхании и с замиранием сердца ждал её ответ. Несмотря на краткость нашего знакомства она не могла не почувствовать того же, что и я. Этого притяжения наших душ, почти ощутимого, которое, казалось, можно было потрогать руками. И я потрогал, коснувшись ее волос кончиками пальцев, от чего они онемели, а по телу пробежала волна, распространяясь от руки и скапливаясь комком где-то в груди, в сердце, которое сбилось с ритма на несколько ударов.

— Он меня не отпустит, — тихо, еле слышно, произнесла она.

— У него нет выбора. Он сам себе его не оставил, освободив тебя от рабства. Я выкуплю тебя, чего бы мне это ни стоило.

— Но, Сигмунд, зачем тебе уезжать в неизвестность? Глупо думать, что есть земли, на которых никто не живёт. Ты можешь не вернуться оттуда. Разве мы не можем остаться здесь в Норвегии или вернуться на мою Родину, и жить простой жизнью?

Она подняла на меня глаза, в которых я увидел надежду,

в которых я увидел жизнь. Ту жизнь, которая ждала меня с ней, наполненную любовью, радостью и смехом детей. Этот миг стал началом моей новой жизни, потому что в её глазах я увидел, что мои чувства взаимны. Наши сердца, слушая шепот наших душ, не нуждались в том, чтобы физические тела узнали друг друга лучше. Они видели дальше, чем глаза, чувствовали сильнее, чем тело, знали больше, чем мог представить разум. Сомнений больше не было. Я сам полюбил эту девушку, а Богини лишь предсказали мне мой выбор. Я решил остаться.

Последняя стрела

Пока мы разговаривали, я шёл с ней к дому конунга. И вот я опять стою на его пороге, но теперь не как сопровождающий, но как проситель. Чувства бурлили во мне, словно горная река в половодье. Но как река теснилась среди двух берегов, убегая по проложенному однажды руслу, так и чувства мои теснились среди берегов здравомыслия, были закрыты для окружающих, не выплескивая наружу ни одной капли ни в жесте, ни в слове, ни во взгляде.

Думать нужно было быстро. Принимать решение еще быстрее. Если конунг поймёт, какие истинные чувства руководят мною, то я никогда не увижу Альвхильд рядом с собой. Если же он будет думать, что мной руководят лишь желания тела, что я не готов буду оплатить назначенную цену выкупа,

которую он, несомненно, завысит, то у нашего будущего будет шанс. Потому что я был готов. Все эти мысли пронеслись в моей голове за то время, что я ждал приглашения пройти в общую залу дома конунга. И вот я опять стою перед ним. Но в этот раз на моей шее, поверх куртки, висит кусок металла в виде креста, который я надел сразу же перед входом в Нида-рос. Маскироваться умеют все охотники.

Рядом с конунгом сидел незнакомый мне человек с волосами цвета спелой пшеницы. Приятные черты лица располагали к нему, а молодость вызывала уважение, так как я понял, что вижу перед собой Лейфа Эрикссона, сына вождя Гренландии, уже имеющего известность как хорошего мореплавателя и торговца.

После обмена приветствиями конунг перешёл сразу к делу:

— Не ожидал увидеть тебя так скоро, Сигмунд Ульфссон. Неужели ты решил сменить тишину своего дома на шум и суету большого поселения? Может, ты хочешь стать одним из моих личных охотников?

— Благодаря вашему мудрому правлению, конунг, Нида-рос процветает и развивается, а выстроенная оборона вокруг города внушает страх, мало кто рискнет напасть на город. Рынки полны всевозможных товаров из стран, о которых я даже не слышал. А считая корабли у пристаней можно легко сбиться со счета. Меня так поразила столица, что я решил погостить у дяди, может, я смогу найти занятие, которое мне

больше по душе, чем охота.

— Я согласен с тобой. Мой город действительно впечатляет. Удача улыбнулась мне, когда я нашёл это место, – довольно ухмыльнулся конунг. Как и любой самоуверенный правитель, он очень любил лесть своим действиям. – Но зачем ты пришел сегодня ко мне? Какое дело привело тебя?

— У меня к тебе два дела, конунг. Первое – узнать, нет ли намеченных боевых или торговых походов в другие земли. Мне бы хотелось повидать мир, и хотя бы раз проплыть по водам мирового океана, – я специально первой озвучил мою старую цель, от которой уже отказался ради любимой, чтобы преувеличить её значимость перед второй, истинной целью. – А второе дело таково – я хотел бы выкупить у тебя служанку, которая приглянулась мне в прошлый раз. Ту, что присутствовала при нашем с отцом крещении. Красота её не оставила меня равнодушным.

Вскользь упомянув про крещение, я не только напомнил конунгу, что мы с отцом без раздумий приняли христианство, но и привлек его внимание к тому, что видел я девушку последний раз именно тогда, а значит у меня не могло быть серьезных чувств к ней. Я стоял и смотрел в глаза конунгу, не отводя взгляд.

— Молодое сердце горячо, раз ты готов взять в жёны ту, которую видел несколько раз, – рассмеялся Олаф. – Тебе повезло, оба твоих дела могут решиться быстро. А я-то знаю, как нетерпеливы бывают молодые юноши. Если Альвхильд

даст свое согласие, то я назначу цену выкупа. Но знай, молодой охотник, что уже дважды она отказывалась получить свободу и уйти, так что мне даже не пришлось назначать цену выкупа. А с первым твоим делом и того проще – через два дня я собираю пир на городской площади в честь Лейфа Эрикссона, который принял от моих рук христианскую веру и станет божьим посланником, взяв с собой в Гренландию священника. Ты можешь отправиться вместе с ним. Ведь надолго в Гренландии Лейф не задержится, он хочет найти ту землю, о которой говорил Бьярни Херьюльфссон. Я дам несколько драккаров и пятьдесят моих лучших воинов. Хороший охотник будет нужен при исследовании новых земель. А ты, судя по слухам, хороший охотник, хоть и хочешь найти себе другое занятие. Если новые земли окажутся плодородны и богаты, то, приняв мою власть, ты сможешь стать ярлом и взять себе достаточно земли, на которую получишь одал. Думай, Сигмунд Ульфссон. Ответ свой дашь на пиру. За все время нашего разговора Лейф не сказал ни слова, но теперь, когда я уже повернулся уйти, произнес:

— Хорошие охотники в походе важны не меньше, чем хорошие воины. Я надеюсь, что твой ответ будет утвердительным, Сигмунд сын Ульфа.

Кивнув ему в знак уважения, я вышел и направился домой. А спустя два дня я, уже с дядей, шёл на пиршество. В самом начале конунг должен был держать речь о важных новостях и принятых решениях по обращенным к нему делам.

Я шёл, а внутри меня засел страх, настороженный будто лесной зверь. Вернулось то ощущение, которое я испытал в самый первый свой день в городе. Предчувствие угрозы. И если в первый раз это предчувствие предупредило меня о том, что нужно согласиться с условиями конунга и принять христианство, то сейчас угроза могла быть лишь одна, и связана она была с моим желанием выкупить Альвхильд. Решив не поддаваться страху, я заставил эти мысли уйти из моей головы, но они притаились где-то в её глубине, готовые явиться сразу же при первом подтверждении.

Празднование проходило на главной площади, которая была не такая большая, как площадь для тинга, но все же имела внушительные размеры. Были разставлены длинные столы и скамьи, а рабы стояли недалеко от своих хозяев, готовые тут же откликнуться на любое движение головы или руки. Вначале конунг объявил о скором отплытии к новым землям, призывая всех достойных отправиться в поход. Не так много людей откликнулись, предпочитая уже обжитые земли и налаженные ремесленные дела призрачным богатствам и плодородию неизвестной земли. А затем каждый из просителей получал ответ на свое прошение, и мало кто остался доволен ответом. Народное негодование, всколыхнувшееся насаждаемой чужой верой, выражалось пока что в ропоте, но ропот становился все громче. И многие свободные и знатные люди были недовольны правлением Олафа Трюгвассона, которому дали за его спиной имя Олаф Воро-

нья кость. Ходили слухи, что в птичнике у него были прирученные во'роны для гадания по полетам, либо же по костям и внутренностям – ритуалы старой веры, которые он же сам и запретил, сурово карая за нарушение запрета всех, кроме себя.

Я был одним из последних, кто получил ответ, так как был молод и не столь знатен.

— Сигмунд Ульфссон, ты хотел выкупить мою ключницу. Что ж, она дала свое согласие. Так как она очень ценная для меня служанка, к тому же образованная и красивая, то моя цена выкупа – две тысячи марок серебра.

Над площадью воцарилось молчание. Такое количество серебра даже за кюну никто никогда не платил, не говоря уж о служанке. Множество глаз устремились на меня, я же не мог пошевелить даже языком, чтобы ответить конунгу – мое тело оцепенело. В мыслях я представлял, что конунг сильно завысит цену выкупа, но столько серебра... Где мне взять столько серебра? Все ждали моего ответа.

— Я принимаю твою цену выкупа и уплачу её, – произнес я негромко, но так тихо было вокруг, что все услышали мои слова, как если бы я прокричал их. Спустя несколько мгновений стали доноситься первые вскрики и смех, те же, кто был ближе ко мне, подходили и хлопали меня по плечу, отпуская шутки о безразсудной юности и девах, которые сводят достойных мужей с ума своими песнями и прекрасными глазами. Мысли мои метались, но, незаметно сделав несколько

вдохом-выдохом, как учил меня отец для обретения спокойствия, я отложил вопрос о деньгах. Я получил то, что хотел. Цена была назначена и это главное. Альвхильд станет моей женой, она дала согласие конунгу на выкуп. И я достану это серебро, чего бы мне это не стоило.

Начался пир. Много эля и забродившего мёда было выпито, много мяса съедено. Я же сидел молча, ожидая удобного случая, чтобы уйти никого не оскорбив, и обдумывал свое положение. Чтобы получить столько серебра, мне нужно убить больше ста медведей или больше трехсот соболей и горностаев. Сколько зим уйдёт, прежде чем я соберу выкуп? И тут я подумал о Лейфе Эрикссоне и его походе. Новые земли, покрытые лесами с дичью. Новые земли, в которых, возможно, есть монастыри как на Британских островах, из которых привозили богатую добычу несколько столетий назад во времена великих конунгов Рагнара Лодброка и Харальда Прекрасноволосого. Слава их не померкла с годами, но стала ещё более яркой, обрастая легендами и сагами, которые пели скальды.

— Подожди! – сказал я сам себе. – Вспомни про норн, вспомни ткань своей жизни. Ты видел ее. И ты знаешь, что этот путь проложен зеленой нитью. Разве сама Скульд не сказала тебе, что, выбрав зеленую нить, ты потеряешь золотую? Зачем думать о славе и богатстве, если рядом с тобой не будет Ее? Этот путь, такой ясный, так явно стелющийся пред тобой, не может ли он быть ловушкой, обманкой

для твоей гордыни, жаждущей славы и приключений, жаждущей остаться в легендах? Может быть, топор не для битв, а для охоты был создан? Предмет становится в руках оружием лишь тогда, когда мы сами определяем его таковым.

Со стороны могло показаться, что я задумался о чем-то, в то время как внутри меня шёл спор с самим собой.

— Но я не выбираю зеленую нить, я выбираю золотую. И что с того, что, выбрав золотую, мне придётся пойти по пути, вытканному зеленой нитью? Ведь важен изначальный выбор? Я выбрал Альвхильд. И чтобы выкупить её как можно скорее, я отправлюсь к неизвестным землям. Я видел, как Скульд рвёт и соединяет нить будущего, которое меняется от того, какие решения приняты и какие тропы выбраны.

Тут я услышал, что ко мне обращаются:

— Эй, охотник, я слышал, что ты приносишь на продажу в основном горностаевые и куньи меха? С медведем справиться не под силу? Не по тебе добыча! Или ты слишком труслив, чтобы смотреть в глаза опасности, поэтому и промышляешь только ловушками да стрелами. Видать, топор-то у тебя на поясе висит для красоты?

Я оглянулся на голос и увидел невысокого, но широкоплечего воина, покрытого шрамами, сидящего через несколько человек вправо и напротив меня. На шее у него висело ожерелье из волчьих клыков, плечи покрывала медвежья шкура, а на поясе виднелась широкая петля, не иначе как для секиры. Я впервые увидел этого человека, но тут же понял, что

это берсерк, да к тому же изрядно выпивший. На наш разговор повернули головы несколько человек.

Если бы мои мысли не были заняты другим, я бы подумал, что лучше не связываться с пьяным берсерком – много плохих историй я слышал о них. Но не успел я как следует поразмыслить, а с моих губ уже сорвались слова:

— Умный охотник знает, что размер шкуры не всегда влияет на ценность её меха, а умный воин побеждает без лишних ран. Мой топор всегда попадает в цель в отличие от твоего, судя по многочисленным шрамам.

— Ты обозвал меня дураком?! – вскричал берсерк, вскочив на ноги. – Как смеешь ты оскорблять меня, щенок! Вызываю тебя на хольмганг! Сейчас! И мы посмотрим, чей топор попадает в цель первым.

Теперь уже многие смотрели на нас, а я увидел то, на что вначале не обратил внимания – берсерк уже не казался таким пьяным. И, обернувшись в сторону конунга, я увидел, как он пристально смотрит на меня, а его губы чуть заметно изогнулись в насмешливой улыбке. Я попался в ловушку как последний дурак. Мне стало ясно, что берсерк в любом случае нашел бы повод вызвать меня на поединок, ведь ему за это заплатили, и немало.

Мне не оставили выбора. Если я откажусь от поединка, то меня назовут нидингом, и я потеряю все свои права, в том числе и право выкупа моей Альвхильд. Лучшего места и времени нельзя было и придумать – множество свиде-

телей, большинство из которых так разгорячены выпивкой, что встретили хольмганг бурным возбуждением от предстоящего веселья. Ведь сейчас поединки проводились только до первой крови, исключая убийства. Хотя я и сомневался, что, если проиграю, останусь жив. Первая кровь от удара по шее или бедру лишила бы меня всех шансов выжить. И множество свидетелей подтвердят, что правила не были нарушены. "Твоя нить крепка" – слышал я шёпот старой Урд, когда принимал вызов.

Пока разчищалась небольшая площадка перед конунгом и его приближенными, дядя рассказывал мне о берсерке то, что знал сам. Соперник у меня был сильным и опытным воином, а ещё хуже было то, что за свой нрав он получил второе имя Безумный. Гутрум Безумный – под таким именем его знали в этих краях, рассказывал мне дядя. В бою он был не особо хитер и проворен, шёл напролом прямо в лоб, пытаясь задавить противника мощью и яростью атаки. Имея вспыльчивый нрав, уже не первый раз он вызывал на хольмганг тех, кто якобы нанес ему оскорбление. И ни разу не проиграл, получая плату от проигравшего, а иногда и его женщину в счёт платы.

Слушая дядю, я заметил, как к конунгу подошли две женские фигуры, в одной из которых я узнал Альвхильд. И почувствовал закипающую ярость. На пиру Альвхильд не было, так как роль хозяйки и распорядительницы пира приняла на себя кюна Тюра. А прислуживали за столом рабыни

и служанки более низкого статуса. Но за ней под каким-то предлогом послали рабыню, может быть, чтобы прислуживать лично конунгу или продолжить обязанности кюны, и вот она пришла к началу хольмганга. Увидев её, я окончательно уверился в том, что все было подстроено заранее, слишком многое говорило об этом. Я не пытался сдерживать ярость. Управляемая, в тисках холодного разума, она придала мне сил. И все время, что шла подготовка к поединку, я смотрел только в одну сторону, только на одного человека. Моя любимая, моя избранница. Я либо потеряю её навсегда, либо уничтожу препятствие, которое возникло у меня на пути. Теперь я понимал, что конунг не оставит меня в покое, придумает еще какие-либо способы помешать мне собрать выкуп. Добиться своей цели я мог, только уплыв и вернувшись со славой и богатством.

Её глаза от страха потемнели – наверное, именно так выглядит болотная трясина, скрывая за внешней гладью пучину. А лицо её, бледное, обманчиво спокойное, наполнило меня нежностью. Как хотелось мне сейчас подойти к ней, взять в ладони её лицо и прижаться к этим полным губам, перебирая её длинные густые волосы и вдыхая аромат очага, цветов и мёда. Прошептал ей одними губами "люблю", я отвернулся и пошел к берсерку.

О правилах мы договорились быстро. Из оружия были выбраны топоры и только один щит, без возможности замены. Проигравший должен был выплатить победителю пять ма-

рок серебра. Берсерк громко хохотал, осмеивая меня и стучая секирой о щит в каком-то своём ритме. При взгляде на него каждый бы понял, что он уверен в своей победе. Я же молча стоял, ожидая провозглашения начала хольмганга, и мысли мои быстро, но не лихорадочно, проносились в голове. Секунды мне понадобились на то, чтобы понять – у меня был только один шанс на победу в первые минуты боя. Ярости, опыту и мощи берсерка я мог противопоставить только быстроту, ловкость, хитрость и замешательство противника от моей атаки первым, которой берсерк от меня не ожидает.

Мы стояли друг напротив друга. Топор в моей руке пульсировал в такт моему сердцебиению – тук-тук-тук – пальцы мои сжались крепче, поудобнее перехватывая рукоять. Я услышал призыв к началу поединка, и вокруг установилась такая тишина, что я слышал шорох ветра. Берсерк стал медленно обходить меня справа, двигаясь безшумной походкой рыси. Его глаза блестели алчностью крови, а из груди раздался рык дикого зверя. Мелькнуло желание взглянуть на ту, ради которой я сейчас рисковал жизнью, своей свободой, своим положением, но я подавил мимолетное желание. Доли секунды понадобились мне на то, чтобы понять – он заходит справа, чтобы не дать мне возможность защититься щитом от его более длинной и тяжелой секиры в левой руке, то ли он свободно владел обеими руками в бою, то ли был левшой, используя сейчас это преимущество. Времени не осталось. Я бросился на противника по кратчайшей прямой, в несколько

шагов преодолев разделявшее нас расстояние. Попытавшись отвлечь его взмахом щита в лицо, я поднырнул под его левую руку, целясь ударить топором в бедро. Но я недооценил его. Его реакция была молниеносной. Разгадав мой трюк, он шагнул в сторону и переместил свой щит так, что не только защитил левую сторону тела, но и краем щита чуть не пробил мне голову. Чудом удалось мне избежать удара, перекувыркнувшись в сторону. Резко вскочив на ноги, я тут же отбежал на безопасное расстояние. И, взглянув в глаза берсерку, понял, что мое первоначальное преимущество было упущено. В его глазах не осталось ни капли насмешки, они пылали яростью так ярко, словно меч Сурта в день Рагнарёка.

Тишину вокруг нас так никто и не нарушил, не считая единственного судорожного вздоха. Вдали раздалось утробное уханье филина, предвещающая смерть одному из нас. Берсерк кинулся на меня с грозным ревом, используя попеременно щит как таран, чтобы сбить меня с ног, и секиру, размахивая ею с неистовостью загнанного в угол зверя. Только ловкость и гибкость, тренированные во мне годами охоты и столкновениями с дикими зверями, сохранили мне жизнь. Но долго избегать прямого столкновения я не мог. Воспользовавшись заминкой, когда берсерк перехватывал удобнее щит и секиру, я, отбросив щит, кинулся на него с правой стороны, которую он защищал своим щитом. Со всей силы оттолкнувшись от земли в прыжке и используя его щит как опору, я на лету перехватил топор, оставив на его щеке длин-

ный кровоточащий порез.

Приземлившись позади берсерка, я резко обернулся и настороженно ждал, опустив руки. И я не понимал, то ли топор был частью меня, то ли я стал частью топора, готовый рубить и резать. Он будто ожил, вкусив крови врага. А вокруг меня поднималась волна рёва и криков. Была пролита первая кровь. Хольмганг закончен.

Недоумевая, берсерк провел ладонью по щеке, размазав кровь по лицу в боевой окрас, и, взглянув сначала на ладонь, посмотрел на меня. И в его глазах я больше не увидел ничего человеческого, только слепую смерть. Отбросив щит и схватив секиру двумя руками, с беззвучным криком он кинулся ко мне, замахиваясь топором. Я увидел только одну возможность, времени на раздумья не было – сделав шаг в сторону и извернувшись под неестественным углом, я топором распорол раскрытую от взмаха рук грудину, разрезая кожу, внутренности и кости как масло. Стоя на колене, я слышал, как позади меня упал берсерк, чувствовал дрожание рук... или топора в моей руке? Я опустил взгляд вниз, а перед моим взором тускло и опасно блестело лезвие топора без единой капли крови. Впервые я убил человека. И в этот момент я понял, что ради Неё убил бы еще сотню без сожалений. Сердце моё было черство снаружи, но пылало огнём любви внутри.

План конунга о множестве свидетелей обернулся против него самого. Ведь теперь эти же свидетели видели, что у меня

не оставалось иного выбора, только как убить противника или умереть самому. Поэтому я мог не опасаться наказания за убийство.

Медленно поднялся я, видя, как открываются рты в криках и приветствиях, но не слыша ни звука. Медленно повернулся в ту сторону, где последний раз видел Альвхильд. Она все еще стояла там, с полными слёз глазами, и, казалось, готова была броситься ко мне. Я был рад, что она сдержалась и осталась стоять на месте, хотя я видел, каких усилий ей это стоило. Нельзя было позволить показать всем силу нашей привязанности, нашего родства душ. Не время. Несколько мгновений я смотрел на неё, постаравшись вложить в свой взгляд всю любовь и нежность, переполнявшие меня к этой маленькой и изящной, но сильной и умной девушке, на долю которой выпало так много горя. Медленно подошёл я к конунгу и сидящему рядом с ним Лейфу, обратившись к нему:

— Я поплыву с вами на поиски новой земли.

И отправился домой с дядей готовиться к отплытию.

Накануне отплытия мне удалось встретиться с любимой, которую я поджидал на рынке, отправив ей записку с одной из рабынь. Встреча была болезненно короткой, ведь за ней теперь следили. Прикосновение рук, пересечение зелёных и янтарных глаз, и всего несколько слов:

— Я вернусь за тобой. Клянусь перед лицом Одина, что сделаю все, чтобы мы были вместе.

Спустя день я уже плыл в сторону Исландии, где мы долж-

ны были сделать остановку на пути к Гренландии. К счастью, я не страдал морской болезнью и в полной мере наслаждался плаванием первое время, восхищаясь безбрежностью морского простора. Затем дни стали походить один на другой, превращаясь в однообразную вереницу, и я начал осознавать, что леса, горы и реки мне милее моря. В Исландии мы не задержались надолго, лишь пополнили запасы еды и воды, и вот впереди показались берега Гренландии.

Это была небольшая земля, изобиловавшая больше зеленью степей, чем лесов. Климат здесь был таким же мягким, как у нас на побережье и в Исландии. Но, как и в Исландии, свободной земли, которую можно было бы взять в одал, на ней уже не осталось. Ранние переселенцы из Скандинавии поделили территорию с местным населением после затяжной войны, которую они проигрывали незнанием местности, но выигрывали количеством людей. И я был только рад покинуть её. Начиная с Гренландии, я начал ощущать какую-то внутреннюю лихорадку, внутреннее беспокойство. Я не находил себе места. Время тянулось так медленно, что я каждый день ходил на побережье, проверяя, как идет подготовка к долгому плаванью. Ведь мы должны были запастись едой на путь туда и обратно на тот случай, если нам не удастся обнаружить новую землю и пополнить запасы воды и еды.

Мысли мои все чаще и чаще возвращались в Норвегию. К моей семье, семье дяди и любимой женщине. Каким делом они заняты? Как проводят свое время? О чем думают?

Представляя в памяти их лица, жесты, голоса, я придумывал истории жизни своих близких, тем самым скрашивая свое внутреннее одиночество. Но вот наступил и день отплытия. В пути нам не встретился ни один шторм, а на корабле поговаривали, что это счастливый знак, так как море в этих местах редко бывает спокойным. Дружно признали это удачливостью Лейфа Эриксона, дав ему второе имя Счастливый. И, следуя указаниям Бьярни, мы плыли быстро в указанном направлении.

Однажды, когда многие уже начали поговаривать о возвращении назад, впереди показалась земля. Сначала еле заметная, она быстро увеличивалась, будто вырастала прямо из воды. Многочисленные густые леса покрывали вдали её склоны, и во мне проснулась надежда. Надежда на будущее, которое я так часто видел в своём воображении. Надежда на счастливое будущее со своей любимой, с нашими детьми. Все на драккаре пребывали в радостном предвкушении. Не осталось места сомнениям. Мы нашли новую землю и, судя по первому виду, землю плодородную с ковром густой высокой травы для скотоводства и лесами, богатыми на дичь.

Высадившись, мы тут же занялись обустройством лагеря для отдыха и на случай внезапного нападения местных жителей. Остаток дня мы провели в праздновании, выставив дозорных. Проснувшись утром, мы начали собирать группу для исследования новой земли. В эту группу, конечно же, включили и меня. Я давно уже истосковался по земле, решив

для себя, что красота морей меня не привлекает. Все-таки мое сердце было в лесах. А за все время, что я провел на драккаре с Лейфом, я понял, что и власть не кажется мне такой привлекательной как раньше, когда я мечтал стать ярлом на новой земле. У меня было много времени подумать. И я понял, что хочу простого счастья с моей любимой Альвхильд. Теперь, как никогда, я понимал своего отца и его выбор. И теперь я понимал, насколько этот выбор был мудр. Обосновавшись здесь, я вернусь за любимой, и мы будем жить счастливо друг с другом, растя наших детей и внуков.

С такими мыслями я шел, обследуя прибрежную зону, дальше заходить пока не стали – мы не обнаружили никаких следов человека. И Лейф решил построить здесь поселение, которое будет пунктом встречи кораблей. А сам отправился в обратный путь, где хотел воплотить свои планы по крещению Гренландии и передать новости о том, что мы нашли Новую Землю. Проводив Лейфа Эрикссона, мы занялись возведением домов и построек. С каждым разом мы все увереннее продвигались в леса за древесиной и дичью, уходя все дальше от лагеря. Шло время, осталась позади зима. И вот уже Торвальд, брат Лейфа, приплыл к нашему небольшому поселению. Он решил обследовать побережье в одну и другую сторону. Конечно же он взял меня с собой, как лучшего охотника и следопыта.

Он был не такой везучий, как его брат Лейф Удачливый. Мы впервые столкнулись с местными жителями. И хотя на-

конечники их стрел были каменными, убивали они не хуже железных. Мы успели отплыть, но от раны в живот Торвальд вскоре умер. И многие захотели вернуться назад в Гренландию, чтобы рассказать о случившемся, что и сделали в скором времени. Мы же остались в поселении, чтобы обжить земли, выбранные нами. Земли полные рыбы, диких животных, самопосевной пшеницы, виноградных лоз и птичьих яиц.

Но нас нашли скрелинги, которые большим количеством искали чужаков на своей земле. Нашли наше поселение и начался бой. Их было много больше и все мы понимали, что нам не выжить. Многие, забыв христианского господина бросались в бой с криками и песнями о славе Одина и Вальгаллы. Не могли они достать нас своими стрелами, были щиты наши крепки, и пошли они на нас с короткими копьями, ножами и топорами из камня. Тут и пригодился снова мой боевой топор. Рубил он направо и налево кости и сухожилия, ноги и руки. И с каждым ударом становился все легче, а лезвие блестело все ярче без капли крови. Дрогнули скрелинги, отступили передо мной. И увидел я, что остался один в живых. А в отдалении от меня стоял самый знатный среди них, судя по одежде и краске на лице.

Слишком молодой для конунга, скорее всего, его сын. Стоял и натягивал свой лук. Понял я, почему отступили дикари – чтобы не мешать стреле. И понял я тогда, что пытался обмануть сам себя, извернув слова норн так, как хоте-

лось мне. И выбор я сделал не золотой, а зеленой нитью. Выбор сделал умом, не послушав сердце, которое не хотело с Ней разставаться. Ради Неё надо было остаться мне в родной Норвегии и зарабатывать выкуп тем, что умею лучше всего – охотой.

Глаз только уловил дрожание тетивы от спущенной стрелы, а рука уже метала топор. Это была его последняя стрела, которая всё же нашла свою цель, потому что был он таким же хорошим охотником и лучником.

Последнее, что я слышал – был переливчатый звон колокольчиков Ее смеха, последнее, что я видел, упав на землю – зелень Ее глаз в высокой траве передо мной. Где-то вдали девушка проснулась, вскрикнув от ужаса кошмарного сна, в котором ей в грудь летела смертоносная стрела.

Эпилог

Вытащили скрелинги топор из головы сына вождя, но не смогли удержать в руках, такой тяжелый он стал. Упал топор и разрубил камень. Поняли они тогда, что чужаки обладали не только мужеством большим, но и магией могущественной.

И когда вновь приплыл к их берегам Лейф Удачливый со множеством людей, вышли к нему с миром, привели они его на место, где лежал топор. И смог он поднять его. Поняли скрелинги, что воины перед ними великие, раз могут созда-

вать такое оружие, и еще больше утвердились в намерении жить в мире. А сам Лейф не хотел оставлять у себя топор боевой, которому не место в его жизни, отданной христианскому Богу. И вот встретились конунг скрелингов Вальдида и Лейф Эрикссон. И решили они, изъясняясь жестами, раз никто не может и не хочет брать его, провести обряд и зарыть топор в землю, раз умеет он только убивать, и дали ему Имя. Никто из них и не подумал, что создан был топор не убивать, а защищать и добывать. Так и был впервые зарыт Топор Войны. А гренландцы и жители Винланда наладили торговлю меж собою, попытавшись жить на одной земле вместе, да только нрав у тех и тех был такой, что ничего у них не получилось.

Чувства и сомнения

Глава 1

Если девушка из благовоспитанной семьи древних дворянских кровей красива, имеет положительную натуру, солидное приданое и при этом обширно образована и обладает живостью ума, то не пройдет и пары лет, а то и года после её выхода в свет, начав с представления королевскому двору, как она будет обручена. Этот общеизвестный факт подтверждался не одной сотней помолвок до выхода в общество нашей героини и, несомненно, подтвердится не меньшим количеством после её замужества. И хотя пара последних из её перечисленных качеств может снизить значимость всех остальных достоинств, затруднить, а то и совершенно испортить все матримониальное дело, это полностью, и даже с излишком, компенсируется её высоко одобряемым дворянским происхождением и большим размером приданого, что делает её одной из самых прелестнейших девушек сезона в глазах матушек многих молодых и уже не очень джентльменов.

Леди Кэролайн Сесил, дочь Джеймса Сесила, 1-го маркиза Солсбери, и леди Эмили Мэри Хилл, была младшей из трех сестер, что приносило ей как небольшие неудобства,

так и значительные преимущества. Неудобство заключалось в том, что выход в высшее общество был для неё закрыт до совершеннолетия, либо пока старшие сестры не выйдут замуж, и поэтому, лишь для её блага, которое она сама ещё не в силах понять ввиду своей молодости, как говорила леди Сесил, последняя решила, испросив позволения у супруга и заручившись его разумной поддержкой, отправить Кэрролайн в частный пансион благородных девиц. И Кэрролайн покинула отчий дом почти на три года, хотя она сама предпочла бы продолжить домашнее образование с гувернанткой — благопристойной женщиной доброго и веселого нрава, оказывающей всю посильную помощь воспитаннице, на какую была способна, не выходя за границы своего положения. Обучение с ней проходило со всяческими приятностями в виде забавных игр или чтения занимательной литературы во время отдыха между занятиями, но при этом весьма полезно, так как с таким попеременно серьёзным и лёгким, что особенно поднимает настроение молодой девушки, едва покинувшей возраст девочки, отношением к обучению, последнее воспринималось быстро, понималось легко и закреплялось в памяти надолго.

Преимущество же заключалось в этих же условностях высшего света и состояло оно в том, что Кэрри, как называли ее домашние и особо близкие к их дому люди, полностью устраивало её положение, ведь она и не стремилась к замужеству. Супруг неизменно представлялся ей не только похи-

тителем её свободы выбора досуга и занятий, но и заурядным собеседником, способным с чувством говорить лишь о политике и охоте, разбавляя этот букет скучнейших тем еще более унылой темой юриспруденции, свидетельство чему она видела, предвзято если сказать по совести, хотя и не понимала этого в должной мере, опираясь на близорукость суждений молодости, среди мужчин своего семейного и близкого круга. Ведь даже ее любимый отец отдавал предпочтение серьезности и практичности темы больше, чем ее духовности. В прочее же время, когда ни одна из тем не заслуживала его внимания или считалась им глупой и поверхностной, когда ум его не занимали политические и землевладельческие решения, рассматриваемые или предполагаемые к рассмотрению в Уайтс-клубе или Палате Лордов, он просто молчал, читая газету или очередной ученый труд, коими была полна фамильная библиотека, прислушиваясь к разговору семьи, но не вступая в него, если только к нему не обращались напрямую.

Для Кэрри же политика или юриспруденция виделись чем-то приземлённым, как труды муравьёв – начинается новый день, и вот уже первые цепочки муравьёв вьются трудясь, что-то ища, что-то перетаскивая, чтобы поддерживать жизнь в огромных муравейниках, которые она неоднократно видела в саду поместья, когда садовник безжалостно заливал их ядом. Казалось бы, муравейник погиб, но вот видно, как один, второй, третий муравей начинает суетиться, бе-

гать, спасти матку и яйца — и вскоре в другом конце клумбы вырастает новый муравейник. Жизнь ради существования. Но её влекло то, что лежит за пределами видимости муравейника, её влекло существование ради жизни — мир за пределами родной страны: путешествия без конечной цели, когда каждый день приносит наслаждение и радость, изучение чужих культур, когда каждый день обретает смысл, исследования новых мест и растительных и животных видов природы, когда каждый день обретает ценность будущего. География, ботаника, зоология — вот её излюбленные темы, так мало ценимые и так явно пренебрегаемые в окружающем её обществе. Но в силу своей молодой наивности эти темы в её воображении неизменно окрашивали жизнь в радужные цвета безопасности, свободы и романтических приключений, где героям не нужно задумываться ни о еде, ни о ночлеге, ни о болезнях или прочих лишениях, а каждый день приносит по великому открытию.

В общем и целом, её положение младшей сестры, которое позволяло отсрочить замужество и даже давало некоторую свободу выбора будущего супруга, ведь выполнение дочернего долга по укреплению семейных связей ложилось на, не сказать что хрупкие, плечи её старших сестер, обладающих практичностью характера и совершенно не романтическими представлениями о браке, представлялось ей счастливым и полностью её удовлетворяющим. Мысли подобного направления виделись ей весьма привлекательными — а что, если

остаться старой девой для окружающих, но верной супругой для своего наилюбимейшего занятия – чтения? Занятия, от которого придётся если не отказаться, то значительно сократить время, которое она смогла бы выделить на него из-за обязанностей хозяйки дворянского дома как устраивать многочисленные приемы, так и посещать их, иначе говоря, поддерживать репутацию благонаправленного уважаемого великосветского дома. Ведь чрезмерное увлечение чтением развлекательной и научной литературы, которая не могла никак пригодиться в обустройстве быта будущего хозяйства и дома, молодой девицей и будущей женой дворянина не только не поощрялось, но зачастую активно и громогласно порицалось, если только это не было изучение и принятие трудов Томаса Гисборна или Джеймса Фордайса. Часто она думала о Елизавете I, которая смогла отстоять свою женскую свободу. Пример, который занимал её ум так отчётливо, ведь свидетельства тому всегда были перед её глазами в старом крыле их родового поместья, которое осталось от дворца королевы с её вещами, росписью родословной и портретом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.